

Мелисса Левисенко

Тень что хранила кровь

Мелисса Левисенко

Тень что хранила кровь

«Автор»

2026

Левисенко М.

Тень что хранила кровь / М. Левисенко — «Автор», 2026

Правда может годами прятаться в молчании, но однажды она обязательно прозвучит. История отца, который растил сына, не зная его имени. История сына, который искал отца, не подозревая, что тот всегда был рядом. История семьи, которая училась быть семьёй — шаг за шагом, слово за словом, дело за делом. И история детей, которые стали продолжением этой силы.

© Левисенко М., 2026

© Автор, 2026

Мелисса Левисенко

Тень что хранила кровь

Тень что хранила кровь

раньше миром правили существа «монстры,оборотни и вампиры» существовал лес где обитали эти существа у каждого короля был свой город

люди жили в другом мире существа никак не могли попасть в мир людей люди имели защиту в городе от существ но в один день все изменилось. нечисть смогла разрушить защитный барьер от чего в мире начал твориться хаос. вот так и началась эпоха нового мира: людей и монстров.

глава первая

знакомство Германа и Артема

-

Пап! а мы завтра пойдем в зоопарк?

-

конечно сынок и мороженое купим - с улыбкой проговорил Глеб - парни идете кушать!
- с кухни донесся крик Оли

-

так а вот и мама зовет,побежали? - даа!

— Внезапно на улице взвыла громкая сирена — звук резанул по нервам, будто предупреждая о чём-то страшном. Буквально через минуту город будто сорвался с цепи: люди кричали, перекрывая вой сигнализации, откуда-то доносилось низкое, звериное рычание, от которого кровь стыла в жилах. Воздух наполнился паникой — казалось, привычный мир рушится прямо на глазах.

-

пап а что происходит?

-

не знаю,ты сиди тихо и жди меня,я щас к маме схожу и вернусь,хорошо?

-

хорошо

— Глеб поднялся с пола и направился в сторону кухни. Едва он вышел из комнаты, как раздался оглушительный грохот — входная дверь с треском вылетела с петель. Тут же послышался яростный рёв, а

следом — отчаянный крик Оли. Она влетела в комнату к Артёму и, дрожащими руками щёлкнув замком, заперла дверь.

— Сынок, прячься в шкаф и сиди тихо, ни звука, слышишь? — по щекам Оли катились слёзы, а в глазах застыл такой неподдельный ужас, что Артём даже не подумал спорить.

— Что происходит?!

— Всё хорошо, ничего не происходит. Мы просто играем в прятки. Тебе сейчас нужно очень быстро спрятаться, ладно? Доверься мне.

Оля затолкнула Артёма в шкаф, рванула дверцу, но защёлкнуть замок не успела. Крики Глеба резко оборвались, и в ту же секунду раздался другой, ещё более страшный звук — звон разбитого стекла, будто кто-то выбил окно всей тяжестью тела.

— Ну, привет.

Оля вздрогнула, медленно обернулась.

— Арман? Что тебе нужно?!

— Справедливость.

— Какая ещё справедливость?!

— Не строй из себя дуру! Ты им воспользовалась. Ты прекрасно знала, как он хотел семью. А ты... Ты не просто обманула его — ты убила вашего ребёнка. Думала, мы никогда не узнаем?

— Но это было так давно! Я была молода, глупа... Я всё объясню!

— А меня это не волнует. Ты забрала у него самое дорогое — теперь я заберу то, что дорого тебе. Это будет честно.

— Прошу... не надо... — голос Оли дрожал, срываясь на шёпот, будто каждое слово давалось ей с болью.

— Выбирай: либо ты, либо твой сын. В любом случае у него не будет матери. Ты здесь бессильна — ты это понимаешь, правда?

Оля стиснула кулаки, чувствуя, как холод ползёт по спине. Она знала: другого выбора нет. Время будто застыло, и в этой звенящей тишине каждый удар сердца звучал как приговор.

— Ну, так что? Решай быстрее.

— Вы убьёте его? — в её голосе прорвалась отчаянная надежда, будто на этот вопрос ещё можно было получить хоть какой-то милосердный ответ. — Нет. Зачем убивать? Мы просто будем держать его... как подопытную крысу. Время — деньги, дорогая, а жизнь стоит дорого.

— Заберите меня! Только его, прошу, не трогайте... Пусть он останется в безопасности.

— Ты не так поняла... — он едва успел договорить.

Резкий, хлесткий удар по щеке отбросил Олю назад — она не удержала равновесие и рухнула на пол, мир на мгновение поплыл перед глазами. В ту же секунду щёлкнула дверца шкафа, и из темноты показался Артём. Он стоял, дрожа всем телом, и смотрел на всё это широко распахнутыми, полными ужаса глазами.

— Не трогайте маму! — выкрикнул он, и слёзы хлынули по его щекам, размывая отражение кошмара, который он только что услышал и увидел.

— Хорошо, я её больше не трону. Но только при одном условии. — Каком?! — выкрикнул Артём, голос сорвался на тонкий, испуганный писк, а маленькие кулачки сами собой сжались.

— Ты пойдёшь со мной.

— Нет! — Оля рванулась вперёд, будто хотела закрыть собой сына, но тут же замерла — поняла, что любое резкое движение может всё испортить.

— Заткнись, шалава!

— Не смейте её так называть! — Артём, сам не понимая, откуда взялась эта внезапная храбрость, изо всех сил ударил кулачком по твёрдой, будто каменной руке мужчины. Удар вышел слабым, почти детским, но в нём была вся его ярость и страх.

Арман застыл буквально на минуту, ведь удар у этого маленького мальчика был сильным. Смотря в глаза парнишке, Арман будто увидел что-то знакомое, но он не мог понять что. Оля поняла, что если сейчас не скажет, то потом будет поздно.

— Ну так что ты выбираешь? Мама... или ты?

— Сынок, иди с ним. Он тебя не обидит, — голос Оли дрогнул, но она заставила себя улыбнуться.

— О как. Сначала ты не хотела отдавать мне ребёнка, а теперь говоришь, чтобы он со мной шёл?

— Я скажу лишь одно: я не убивала нашего ребёнка.

— Ясно. А теперь, парень, спи, — Арман махнул рукой в сторону мальчика, и тот беззвучно отключился, будто его выключили.

— Что ты сделал?!

— Усыпил. А теперь твоя очередь, патаскуха.

Арман обнажил свои длинные когти и клыки. Набросившись на девушку, он рвал её когтями и впивался клыками в мягкие ткани. Оля кричала — но недолго.

Закончив с трапезой, Арман поднял обмякшее тело мальчика на руки, глянул в темноту за окном и, пригнувшись, выпрыгнул наружу.

Артём очнулся в помещении, похожем на подвал. Было сыро, холодно и тихо, только где-то капала вода. Рядом с ним сидел мальчик.

Артём приподнялся на локтях, шурясь, будто мир вокруг был слишком резким, слишком чужим. Голова гудела, а в груди комом стоял страх, который он старался не показывать.

— Ты уже очнулся? — голос прозвучал спокойно, без напряжения, будто ничего странного не происходило.

Артём резко обернулся. Рядом сидел мальчик примерно его возраста — светлые волосы, мягкие черты лица, но в глазах что-то такое... не совсем обычное, будто он видел куда больше, чем положено видеть ребёнку.

— Где я? И кто ты? — голос Артёма дрогнул, но он постарался говорить твёрдо, как взрослый.

— Я Герман. А тебя как зовут? — Герман говорил ровно, даже с лёгкой улыбкой, будто они встретились на детской площадке, а не в мрачном подвале.

— Артём... Где мои мама и папа? — слова вырвались сами, и в них было столько надежды, что даже Герман на секунду замер, будто не знал, что с этой надеждой делать.

— Не знаю... Но скоро придёт мой папа. Может, он знает, — спокойно ответил Герман, будто это самое естественное объяснение на свете. — А когда он придёт? — Артём вцепился в эти слова, как в спасательный круг.

— Скоро. Давай пока поиграем? У меня есть классные игры: «Поймай тень», «Шепчущий лабиринт» и «Угадай звук ночи». Ты о таких не слышал?

— А что это такое? — Артём нахмурился, пытаясь представить, как в это вообще можно играть.

— Ты не знаешь? — в голосе Германа не было насмешки, только искреннее удивление, будто он спрашивал про самую обычную вещь на свете — вроде прятки или догонялки.

— Нет... Наверное, если спрашиваю, — буркнул Артём, чувствуя, как внутри всё ещё дрожит от непонимания.

— Ну, может, тогда в «Угадай слово»? Ты же знаешь, как в неё играть? — Знаю... — Артём кивнул, и это «знаю» прозвучало как маленькая опора в мире, который вдруг стал слишком большим и странным.

— Тогда давай играть! — Герман чуть подался вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти обычное, как у любого мальчишки, которому просто хочется, чтобы друг не грустил.

— Ну... давай, — тихо отозвался Артём, и хотя он всё ещё не понимал, где он и что происходит, в этой простой игре вдруг появилось что-то знакомое. Что-то, за что можно было держаться.

Ребята почти сразу сдружились — Герман умел так просто и спокойно всё объяснять, что даже странный подвал будто становился чуть менее пугающим. Но Артёма не покидала мысль о родителях: она сидела где-то глубоко, царапала изнутри, не давала до конца расслабиться. Каждый раз, когда Герман предлагал новую игру, Артём на секунду замирал, будто прислушивался — не раздадутся ли знакомые голоса, не окликнет ли мама...

Через час мальчишки услышали шаги. Кто-то спускался по лестнице — тяжело, размеренно, будто не торопился, но и не скрывался. Скрип ступеней становился всё ближе, и вот в проёме, в полосе тусклого света, появился мужчина среднего роста. На вид ему было лет двадцать пять: тёмные волосы, простая куртка, взгляд спокойный, будто он каждый день заходит в подвалы к детям.

— О, это мой папа пришёл! — радостно выдохнул Герман, будто это было самое обычное дело.

— Привет. Ну что, подружились? — голос мужчины звучал ровно, без лишней суеты.

— Да, — кивнул Герман, чуть придвинувшись к Артёму, будто хотел показать: «Видишь, всё нормально».

Артём же не сводил глаз с мужчины. Сердце колотилось где-то в горле. — Где я? И где мои родители? — слова вырвались резко, будто он боялся, что если не спросит сейчас, потом уже не сможет.

Мужчина чуть нахмурился, будто подбирал слова, и наконец тихо сказал:

— Твои родители бросили тебя.

— Что?! Они не могли! — голос Артёма сорвался, и в этом крике было столько боли, что даже Герман замер, не зная, что сказать.

— Мне жаль, но это правда, — мужчина говорил спокойно, но в этом спокойствии не было жестокости — скорее усталость, будто он привык сообщать плохие новости.

По щекам Артёма потекли слёзы, и он уже не пытался их вытирать. Грудь сдавило так, что дышать стало тяжело, а в голове крутилось только одно:

«Они меня любят, они не могли, они не могли...»

— Этого не может быть! Они меня любят! — выкрикнул он, и голос дрожал, срываясь на всхлипы.

— А что теперь с ним будет? — тихо спросил Герман, глядя то на Артёма, то на отца. В его голосе не было страха — только искреннее беспокойство, как у того, кто впервые видит, как другому по-настоящему больно. — У меня есть один знакомый... Арман, — начал мужчина, но не успел договорить.

— Он ударил мою маму! — Артём вдруг вскинул голову, глаза у него были красные, мокрые, но в них вспыхнула злость — та самая, что появляется, когда боль становится слишком большой.

— Что? — мужчина нахмурился, впервые за всё время теряя эту холодную собранность.

— То! Он плохой! — Артём уже не кричал, а почти шипел, будто каждое слово давалось с усилием, но он должен был его сказать.

В этот момент рядом с ними внезапно появился ещё один человек — будто просто шагнул из тени, и всё вокруг будто стало чуть тише, будто воздух уплотнился. Высокий, в тёмной толстовке, с внимательными, чуть прищуренными глазами.

— Что здесь за крики? — голос прозвучал не грубо, а скорее устало, как у взрослого, который пришёл разнимать ссору и уже примерно знает, что там случилось.

— Дядя Демьян пришёл! — тут же выдохнул Герман, и в его голосе прозвучало такое облегчение, будто с появлением Демьяна всё сразу становилось чуть лучше.

— Ага. А что у вас тут за ребёнок плачет? Эй, парниша, что случилось? — Демьян присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с Артёмом, и посмотрел прямо, без спешки, будто давал понять: «Я здесь, я тебя вижу».

Артём не прекращал плакать. Слёзы катились по щекам, нос шмыгал, а плечи вздрагивали.

— Эй, ну чего ты... — Демьян мягко положил ладонь ему на макушку, не сдавливая, просто чтобы дать опору. — Да у него истерика, — тихо добавил Остин, будто оправдываясь, что не смог всё исправить.

— Без тебя вижу, — спокойно отозвался Демьян, не сводя взгляда с Артёма. — Ну чего ты. Хочешь, пойдём ко мне? У меня много сладостей, и собачка есть. Ты же любишь животных?

— Люблю! — шмыгнув носом, проговорил Артём, и в этом слове вдруг прозвучала надежда — маленькая, хрупкая, но настоящая.

— Ну тогда что сидим, сопли льём? Пошли. Там и поговорим, ладно? — Демьян чуть улыбнулся, не широко, а так, как улыбаются, когда хотят, чтобы человек перестал бояться.

Артём на секунду замер, будто пытался удержать в голове всё, что только что услышал, но потом медленно кивнул. Он не верил, что родители его бросили, не верил ни на секунду — но прямо сейчас ему хотелось просто уйти отсюда, туда, где есть сладости, собака и человек, который не кричит.

Взяв мальчика за руку, они направились к выходу. Тяжёлая дверь со скрипом приоткрылась, и в подвал ворвался поток прохладного воздуха — будто сам дом выдохнул с облегчением. У самого порога, возле Остина, Демьян остановился.

— Не умеешь ты детей успокаивать, не дано, — бросил он, чуть качнув головой, но в голосе не было злости — скорее усталая привычка поддевать.

— Ой, а ты прям отец года, — с лёгкой улыбкой отозвался Остин, скрестив руки на груди. В его взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти насмешливое, будто он давно привык к этой вечной игре в строгого и ещё более строгого. — Сам-то видел, как у тебя глаза округляются, когда он снова шмыгает носом?

Артём вцепился в руку Демьяна, пальцы у него были холодные и напряжённые, будто он боялся, что если ослабит хватку — всё снова станет страшным. Он не понимал, о чём они говорят, но интонация была не злая, и этого пока хватало.

— Ладно, не умничай, — Демьян чуть наклонился к Артёму, чтобы снова оказаться с ним на одном уровне. — Ну что, идём? Там у меня правда собака. И конфеты. Не какие-нибудь там кислые, а нормальные — шоколадные.

Артём медленно кивнул, не отпуская руку, и сделал первый шаг из подвала. Свет из коридора упал ему на лицо, и на секунду он зажмурился — как будто боялся, что, открыв глаза, снова увидит тот же тёмный угол, где всё началось.

Остин молча шагнул вперёд и распахнул дверь пошире, будто расчищая путь.

— Пойдём, — тихо сказал он уже не Артёму, а скорее в пустоту, чтобы просто разорвать тишину. — Тут внизу сыро. Ребёнку точно не место. И они двинулись дальше — вперёд, туда, где пахло не пылью и страхом, а чем-то обычным: улицей, ветром, домом.

Глава Вторая

Жизнь в замке монстра

Придя к Демьяну домой, Артём понемногу успокоился. Дом оказался не просто большим — это был настоящий огромный особняк: высокие потолки, широкие коридоры, в которых эхо будто пряталось по углам, и мягкий свет, льющийся из высоких окон. Здесь пахло деревом, тёплым воском и чем-то ещё — домашним, спокойным, будто этот дом умел беречь тех, кто в него входил.

— Вот мы и пришли. Тебя, кстати, как зовут? — Демьян остановился в просторном холле, слегка наклонив голову, будто хотел увидеть Артёма не только глазами, а всем собой — понять, что у мальчика сейчас на душе. — Артём. Это твой дом? — мальчик медленно крутил головой, стараясь ничего не пропустить: резные перила лестницы, большую вазу с сухими ветками, даже тень от лампы на стене.

— Да. Нравится?

— Очень! — выдохнул Артём, и в этом «очень» было столько искреннего восторга, что Демьян едва заметно улыбнулся.

— А где собачка? — тут же спросил он, будто самое главное в этом огромном доме — найти того, кто будет вилять хвостом и ткнётся мокрым носом в ладонь.

Демьян чуть приподнял бровь, но не стал торопиться вести его дальше.

— А ты разве не знаешь, что нельзя доверять незнакомым людям? — Знаю, — серьёзно кивнул Артём, будто повторял правило, которое ему много раз говорили дома.

— Почему же тогда пошёл со мной?

Мальчик на секунду замер, будто сам пытался найти правильный ответ, а потом просто пожал плечами и снова улыбнулся — просто, без хитрости: — У тебя глаза красивые и добрые.

Демьян замер на долю секунды, будто эти слова попали куда-то глубже, чем он ожидал. Потом тихо, но искренне сказал:

— Неожиданно. Но спасибо большое.

— Так где собачка?! — нетерпеливо повторил Артём, уже не в силах держать в себе это ожидание.

— Наверное, в гостиной спит. Она любит там, у камина, — Демьян махнул рукой в сторону широкого проёма, откуда тянуло мягким теплом.

— А где гостиная? — Пошли, покажу.

И он не пошёл быстро, не потянул за собой, а шагнул рядом — так, чтобы Артём мог идти в своём темпе, оглядываться, привыкать к этому дому, к этому свету, к тому, что сейчас никто не кричит и не пугает.

Артём шёл следом, крепко, но уже не судорожно, сжимал пальцы, а в груди потихоньку таяла тяжесть, которая давила с самого подвала. Здесь было шумно по-другому: не от криков, а от тишины, в которой можно было услышать, как где-то далеко тикают часы, как ветер шевелит занавески, как живёт большой, но спокойный дом.

Подходя к гостиной, они встретили горничную — та как раз выходила из боковой двери с подносом, на котором тихонько позвякивали чашки. — Здравствуйте! Ой, а что это за мальчик? — с тёплой улыбкой спросила Арэль, чуть наклонив голову. В её голосе не было ни настороженности, ни любопытства «с подвохом» — просто искренняя радость, будто появление ребёнка в этом большом доме делало день чуть светлее.

— А вы кто? — Артём тут же придвинулся поближе к Демьяну, но не испуганно, а скорее чтобы всё видеть и ничего не пропустить.

— Здравствуй. Знакомься: это Артём. Артём, это Арэль, моя горничная. — А кто такой горничная? — нахмурился мальчик, будто пытался уложить новое слово в уже знакомую картину мира.

— Это та, которая убирается в доме вместо хозяина и получает за это деньги, — спокойно объяснил Демьян.

— А кто такой хозяин?

— Владелец дома. Давай все вопросы чуть позже, ладно? Сейчас столько всего, голова кругом пойдёт.

— Ну хорошо, — Артём кивнул, будто принял это как временное правило:

«сейчас не спрашивать, потом спросим».

И тут из гостиной раздался звонкий, немного хриловатый лай — будто щенок сначала удивился, а потом решил, что пора срочно всех поприветствовать.

— А вот и Спарки проснулся, — улыбнулся Демьян.

Не прошло и секунды, как из проёма выскочил щенок — не огромный, не грозный, а такой, каким и должны быть щенки: лапы разъезжались, уши хлопали, а хвост работал, как пропеллер. Он ворвался в коридор, резко затормозил, увидев незнакомца, на секунду замер, а потом рванул прямо к Артёму.

— А он не кусается? — мальчик замер, вытянув руку перед собой, будто это был щит и приглашение одновременно.

— Нет, он очень добрый и дружелюбный. Погладь его, не бойся. Он сам хочет познакомиться.

Артём медленно протянул руку. Щенок ткнулся в неё мокрым носом, а потом, будто решив, что это самое важное дело в жизни, старательно облизал пальцы — от самого кончика до основания.

— Ой, щекотно! — на лице мальчика вдруг появилась улыбка, а следом вырвался короткий, звонкий смешок — такой, какой бывает, когда страх уходит, а остаётся только удивление и радость.

— Ты ему понравился, — тихо, но с улыбкой сказал Демьян, глядя, как щенок крутится вокруг Артёма, будто пытается одновременно обнюхать, облизать и обнять всеми четырьмя лапами.

— Он мне тоже! — выдохнул Артём, уже не боясь присесть на корточки, чтобы оказаться с щенком на одном уровне.

— Вы тогда играйте, знакомьтесь. А я отойду, переоденусь и вернусь, ладно? — Демьян чуть задержался, будто хотел убедиться, что мальчик точно не испугается остаться даже на пару минут.

— Хорошо! — Артём даже не поднял на него глаз — он был занят: гладил мягкую шерсть, ловил хвост, который так и норовил щёлкнуть его по носу, и улыбался, будто всё страшное осталось где-то там, в подвале, а здесь — только щенок, тепло и дом, который потихоньку начинал казаться не чужим.

Спарки, будто решил, что теперь его главная задача в жизни — ни на секунду не отпускать нового друга, потянул Артёма за штанину прямо к своей миске.

— Эй, полегче! — рассмеялся Артём, но не отдернул ногу, а наоборот присел, чтобы быть с щенком на одном уровне. — Ты куда меня тащишь? — Он тебя на обед приглашает, — с улыбкой сказала Арэль, поставив поднос на край столика. — У него всё просто: если ты тут, значит, надо срочно всё показать. Сначала миску, потом коврик, потом, не дай бог, любимую игрушку, которую он прячет под креслом.

Артём хихикнул, и этот смех прозвучал в большом доме как что-то очень правильное — будто дом наконец-то наполнился тем звуком, которого ему не хватало.

— А у него есть любимая игрушка? — спросил он, глядя щенка по мягкой макушке.

— Ещё какая. Старый плюшевый заяц. Спит с ним каждую ночь. Только не говори ему, что я это рассказала, — Арэль подмигнула, а потом чуть тише добавила: — Ты посиди тут, ладно? Сейчас принесу вам пару печений. Не шоколадных, конечно, Демьян не разрешает ему сладкое, но зато с изюмом — он их обожает.

Она тихо ушла по коридору, шурша подолом фартука, а Артём остался сидеть на полу, позволяя Спарки тыкаться носом ему в ладонь и радостно повизгивать, будто они уже сто лет были лучшими друзьями.

Через несколько минут в дверях снова появился Демьян. Он сменил куртку на тёплый свитер, волосы чуть взъерошил, будто торопился, но теперь выглядел не как человек, который решает проблемы, а как тот, кто просто хочет быть рядом. Он остановился на пороге, замер на секунду, глядя на эту картину: мальчик на полу, щенок, который от счастья уже почти кружится на месте, и тёплый свет из гостиной, который ложился на них золотистыми полосами.

— Ну что, познакомились со всеми достопримечательностями? — спокойно спросил он, прислонившись плечом к дверному косяку.

— Почти! Он мне уже миску показал! — Артём поднял на него сияющие глаза, и в них не было ни тени того страха, который сковывал его в

подвале. — А ещё у него есть заяц! Только он его прячет...

Демьян тихо усмехнулся и прошёл внутрь, сел на низкий пуф рядом, чтобы не нависать над мальчиком, а быть просто на расстоянии вытянутой руки. — Это да. У Спарки свои секреты. Как и у всех, — он чуть наклонил голову, будто подбирая слова, и негромко спросил: — Если хочешь, можем пока ничего не вспоминать. Ни подвал, ни Остина, ни остальное. Можем просто сидеть тут, гладить щенка, есть печенье, когда Арэль принесёт, и смотреть, как за окном темнеет. Или, если хочется про что-то рассказать — я тут.

Слушать умею. Не очень хорошо, но стараюсь.

Артём на секунду задумался, будто взвешивал эти два варианта: «ничего не вспоминать» и «рассказать». Потом медленно протянул руку и почесал Спарки за ухом — тот тут же завалился на бок, подставляя живот, и тихонько заскулил от удовольствия.

— Давай пока просто посидим, — тихо сказал Артём, глядя, как щенок смешно дёргает лапой во сне. — Он сейчас уснёт, наверное. — Тогда посидим, — кивнул Демьян, устраиваясь поудобнее. — И подождём печенье. Без печенья сидеть, конечно, можно, но зачем, если оно вот-вот будет?

В комнате стало тихо, но эта тишина не давила — она была уютной, домашней, наполненной ровным дыханием щенка, тихим скрипом старого дома и тем редким спокойствием, когда рядом есть кто-то, кто не торопит, не требует ответов и просто даёт тебе время выдохнуть.

Прошло шесть месяцев. За это время Демьян ни разу не сорвался на Артёма — ни когда тот в третий раз за вечер спрашивал «а почему небо синее?», ни когда разлил молоко на паркет, ни когда посреди ночи прибежал с криком «там кто-то шуршит!». Он будто знал: иногда ребёнку не нужен строгий ответ, а нужно просто, чтобы кто-то спокойно сказал: «Я тут. Ничего страшного».

Дом потихоньку стал для Артёма местом, где можно быть собой: бегать, спрашивать, ошибаться, прятаться под одним и тем же пледом, когда страшно, и знать, что его оттуда не выгонят. Спарки из щенка превратился в неуклюжего подростка, который всё ещё норовил прыгнуть Артёму на колени, даже когда уже не помещался. Арэль тайком подкладывала ему в карман печенье, а Демьян каждый вечер садился рядом и слушал про «самый важный день» — про то, как Спарки уронил миску, или как тень от лампы похожа на дракона.

Но в один день всё будто треснуло.

К Демьяну пришла дама — высокая, в чёрном пальто, с таким взглядом, будто она привыкла, что все вокруг сразу становятся тише. Они ушли в кабинет, дверь закрылась, и сначала всё было как обычно: тихий разговор, звяканье чашки, шуршание бумаг.

А потом звуки изменились.

Сначала Артём подумал, что это просто голос стал громче. Потом понял — это не обычный разговор. Послышались вскрики, резкие, колющие, будто кто-то рвал воздух. Потом — стоны, от которых у него внутри всё сжалось, как тогда, в подвале, когда он ничего не мог сделать, только слушать, как мир становится опасным.

«О нет... снова эти крики... Нет-нет, я не хочу их слышать вновь!» — мысль ударила, как холодная волна. Он хотел спрятаться. Хотел забиться в свой угол за креслом, натянуть плед на голову, закрыть уши ладонями и сделать вид, что ничего не происходит. Но крики становились громче, они будто искали его, находили в каждом укромном месте.

И тогда, вопреки всему, Артём пошёл. Не потому что был смелым — а потому что тишина в ожидании была страшнее. Он шёл по коридору, цепляясь взглядом за знакомые вещи: вазу на тумбе, коврик у двери, тень от лампы — как будто эти мелочи могли удержать его, не дать провалиться обратно в страх.

Артём очень тихо приоткрыл дверь — щелочка получилась не больше пальца, но и этого хватило, чтобы увидеть то, от чего кровь будто застыла в жилах. В полумраке комнаты Демьян склонился над той дамой, и в этом движении не было ничего человеческого: резкие линии, неестественно изогнутые плечи, тьма, будто налипшая на него слоями...

Артём не вскрикнул даже — он просто выдохнул звук, похожий на всхлип, и этого хватило. Головы повернулись. Взгляд скользнул по щели, нашёл его. И тогда Артём побежал. Не просто побежал — полетел, будто ноги сами знали, как быстрее унести его прочь. Он мчался вниз по лестнице, не чувствуя ступеней, не слыша ничего, кроме стука в ушах. На первом этаже он ворвался в библиотеку — туда, куда ему строго-настрого запрещали заходить даже днём.

Среди высоких стеллажей, где пахло старой бумагой и пылью, он забился в угол между полками, втянул колени к груди и замер, стараясь даже дышать тише. Но тут же из темноты донеслось низкое, протяжное рычание, а потом вспыхнули ярко-красные глаза — они горели прямо перед ним, не мигая, прожигая темноту.

— Артём, выходи. Я тебя не трону, — голос был не Демьяна. Холодный, чужой, будто слова выдавливали из чего-то, что давно разучилось говорить по-человечески. — Выходи, я сказал!

После этих слов Артём услышал быстрые, лёгкие шаги — и вдруг красные глаза впереди моргнули и на мгновение потухли. В проёме появилась Арэль.

— Кто здесь? — её голос дрожал, но в нём была решимость, будто она готова была схватить что угодно — хоть подсвечник, хоть стопку книг — и встать между бедой и тем, кто в ней прячется.

— Ари... — прошептал Артём, и это имя сорвалось с губ как молитва. — Боже, Артём, что ты здесь делаешь?! — Арэль метнулась к нему, присела на корточки, схватила за плечи, но тут же сбавила напор, будто поняла: если сжать слишком крепко, он рассыплется.

— Там... там дядя Дёма... он... он ел ту тётю! — слова путались, насккивали друг на друга, но Артём должен был их вытолкнуть, иначе они задушили бы его.

— Не может быть! Может, тебе показалось? Может, они просто... ну, играли, как ты со Спарки? — Арэль говорила быстро, будто пыталась накрыть его страх чем-то привычным, безопасным.

— Не знаю... Там было темно... — Артём опустил голову, уткнулся лбом в колени, но тут же снова поднял взгляд, будто боялся, что если закроет глаза, картинка вернётся. — Но я видел... я точно видел...

— Тем более, тебе показалось. Успокойся, ладно? Пойдём, я дам тебе молока. И, если хочешь, посидим на кухне, пока всё не станет как раньше. Артём медленно поднялся, всё ещё оглядываясь на темноту между полками. Проходя мимо, он машинально поправил книгу, которая чуть не упала. И в этот миг тусклый свет, пробивавшийся из приоткрытой двери, скользнул по обложке. На ней тёмными буквами было выведено: «Существа и их правда».

Арэль крепко держала Артёма за руку — не тянула, а просто не давала ему остаться одному в этой темноте. Пальцы у неё были тёплые, чуть шершавые от работы, и от этого становилось не так страшно.

— Пойдём на кухню, — шепнула она, будто боялась, что любой громкий звук разбудит то, что прячется между полками. — Там светло. И чайник ещё тёплый. Выпьешь молока, и сразу увидишь: всё не так, как показалось. Артём кивал, но сам себе не верил. Он смотрел не вперёд, а себе под ноги, будто боялся, что если поднимет глаза, снова увидит эти красные глаза. Они шли медленно, почти на цыпочках, и каждый скрип половицы заставлял его вздрагивать.

На кухне Арэль усадила его на высокий табурет, накинула на плечи плед, который всегда лежал на спинке стула, и поставила перед ним кружку. Молоко было чуть тёплым, с тонкой пенкой — таким, какое мама раньше наливала ему перед сном. Артём обхватил кружку ладонями, чувствуя, как тепло медленно ползёт вверх по рукам, но внутри всё равно было холодно. — Расскажи мне ещё про Спарки, — тихо попросила Арэль, будто знала, что если дать ему говорить про что-то хорошее, страх начнёт отступать. — Ты говорил, он вчера пытался стащить булку прямо со стола?

Артём кивнул, а потом вдруг выпалил, не удержавшись:

— А если я не придумал? Если это правда? Если дядя Дёма... не такой, как мы думали?

Арэль замерла, поставила чайник на место и присела перед ним на корточки, чтобы смотреть прямо в глаза.

— Слушай, — сказала она очень спокойно, без спешки. — Иногда темнота делает вещи страшнее, чем они есть. Иногда тени похожи на монстров, а на самом деле это просто шкаф и плед. Я не хочу, чтобы ты боялся. Но если тебе кажется, что ты что-то видел, — я тебе верю. Просто давай не будем сейчас туда возвращаться. Давай посидим тут, пока дом перестанет шептать, ладно?

Артём снова кивнул. Он хотел ей верить. Очень хотел. Но перед глазами всё равно стояло то, что он видел в кабинете: неестественно изогнутая фигура, тьма, налипшая на плечи, и взгляд, в котором не осталось ничего от дяди Дёмы — того, кто гладил Спарки по голове и разрешал сидеть рядом, когда за окном шёл дождь.

Они просидели на кухне почти час. Арэль рассказывала про то, как она в детстве боялась кладовки, потому что там висели старые пальто и казались ей спящими великанами. Артём слушал, иногда кивал, иногда даже тихо хихикал над её историями, но каждый раз, когда в коридоре что-то щёлкало или скрипело, он вздрагивал и крепче сжимал кружку. Когда глаза начали слипаться, Арэль отвела его в комнату, подоткнула одеяло и посидела рядом, пока он не задремал. Она тихонько напевала что-то без слов — просто мелодию, которая звучала так, будто в ней не бывает ни страхов, ни криков, ни красных глаз.

Но сон не шёл по-настоящему. Он был как тонкая плёнка: сквозь него всё равно проступали звуки дома, шорохи, тени. И одна мысль не давала ему покоя — та самая книга с тёмной обложкой: «Существа и их правда». Она будто звала его, шептала из темноты: «Открой меня, и ты узнаешь, как не бояться».

Глубокой ночью, когда дом окончательно затих и даже часы в коридоре стали тикать реже, Артём осторожно выбрался из-под одеяла. Он двигался почти бесшумно — научился этому за эти месяцы: как ставить ногу, чтобы половица не скрипнула, как держать дверь, чтобы петля не пискнула. В коридоре было темно, только узкая полоска лунного света лежала на полу, как дорожка.

Он шёл не бегом, а медленно, будто если будет спешить, кто-то заметит. Сердце стучало где-то в горле, но он заставлял себя идти. Дверь в библиотеку была закрыта, но не заперта. Он приоткрыл её так же тихо, как в тот раз, и скользнул внутрь.

В темноте стеллажи казались огромными, как стены древнего замка. Пахло пылью и старой бумагой, и этот запах вдруг стал знакомым, будто он всегда знал, что однажды вернётся сюда. Артём шёл вдоль полок, водя пальцами по корешкам, пока не нашёл ту самую книгу. Она лежала чуть криво, будто кто-то уже трогал её после него.

Он взял её обеими руками, прижал к груди, как что-то очень важное, и сел прямо на пол, прислонившись спиной к полке. Лунный свет падал на обложку, и буквы будто светились в темноте. Артём медленно открыл первую страницу, задержав дыхание, будто боялся, что книга заговорит вслух.

И в этот момент где-то наверху тихо скрипнула половица.

Артём водил пальцем по строчкам, будто хотел запомнить каждую букву на ощупь. Страницы шелестели тихо, почти неслышно, но ему всё равно казалось, что любой звук сейчас разнесётся по всему дому, как крик. В книге было аккуратно выведено: «Всего 6 монстров, всего 6 королевств». Дальше шли категории: слабые, посильнее, самые опасные. Цвета шли не просто так — это была целая система, будто кто-то специально раскладывал страх по коробочкам, чтобы его было легче изучать.

Оранжево-жёлтые и розово-голубые — самые слабые. Артём задержался на Карле: оборотень, 1878 года рождения, мощь 3/10. Слабость — святая вода и «Отче наш». Сила — может поднимать предметы и управлять светом. Рядом — Зак, тоже оборотень, чуть посильнее: телекинез, управление погодой. Но даже их способности казались Артёму какимито... почти бытовыми. Как будто это не монстры, а люди с необычными умениями.

Дальше шли коричнево-красные и серо-белые. Гарри — вампир, древний, 10 735 лет, мощь 6/10, быстрый, с обострённым чутьём. Лиам — ещё старше, почти вдвое, серо-белый, с ядом в клыках и ночным зрением. Слабость у обоих — церковный язык. Не серебро, не осина, а именно слова. Это почему-то пугало сильнее всего: будто самое страшное прячется не в железе, а в звуках, которые люди веками складывали в молитвы.

А потом шли те, от чьих строк холодело в груди. Дэвид — чёрно-синий, мощь 8,5/10, возраст почти двести тысяч лет. Слабость известна, но сила — нет. И последний, самый страшный: Джон, чёрно-фиолетовый, возраст — больше миллиона лет, мощь 10/10. Слабости и силы не указаны. Просто пустота напротив этих слов, будто автор книги сам не решился ничего написать.

Артём снова и снова перечитывал строчки, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, которая объяснила бы ему то, что он видел. Дядя Дёма не был похож ни на Карла, ни на Зака. Он не светился оранжевым и не управлял погодой. Но и на Гарри или Лиамы он тоже не тянул: в нём не было этой хищной ловкости, этого острого взгляда охотника. А вот чёрный оттенок тьмы, который будто налипал на него в темноте... это уже тянуло к другой категории. К тем, чьи силы не описаны.

«Самые опасные», — шептал про себя Артём, водя пальцем по буквам. И вдруг его накрыло понимание, от которого хотелось закрыть книгу и больше никогда её не открывать: может, дело не в том, что он ошибся. Может, дело в том, что дядя Дёма — не из первых двух списков. Может, он из тех, про кого пишут «сила — неизвестна».

Он захлопнул книгу, но не от страха, а потому что понял: если он будет сидеть тут и дальше, страх начнёт придумывать за него ответы. Вместо этого он аккуратно поставил книгу на место, ровно так, как она стояла, и замер, прислушиваясь к тишине.

И снова — скрип наверху. Не громкий, не угрожающий, просто кто-то прошёл по коридору. Но теперь каждый звук казался ему важным, каждый шорох — подсказкой.

Артём тихо поднялся, прижимаясь к полке, и медленно двинулся к двери. Он не хотел снова прятаться. Он хотел понять. И ещё — он хотел убедиться, что там, наверху, сейчас снова ходит тот самый дядя Дёма, который гладит Спарки, наливает молоко и говорит: «Я тебя не отдам». Тот, который не похож на чёрно-фиолетового Джона с силой 10/10.

На следующий день - 8:20

— Артём, вставай! — голос Демьяна прозвучал мягко, но настойчиво, где-то совсем рядом, будто он уже стоял у кровати и ждал, когда мальчик наконец откроет глаза.

— Ммм?.. — Артём поёрзал под одеялом, зарылся носом в подушку, будто надеялся, что если не смотреть на мир, тот подождёт ещё пять минут. — Или умывайся, или я тебя щекотать начну, — с лёгкой усмешкой пригрозил Демьян.

— Ладно, ладно... — сонно пробормотал Артём, всё-таки разлепил веки и потянулся так, что хрустнули косточки. — Хорошо, — уже чуть бодрее сказал он.

Спустившись вниз, они сели за стол. Завтрак был привычный, но от этого не менее уютный: горячие тосты с мёдом, кружка какао, над которой вился пар, и тарелка с румяными блинчиками — Арэль всегда знала, что Артём больше всего любит именно такие, чуть хрустящие по краям.

После завтрака Артём подошёл к Демьяну, теребя край футболки, будто собирался задать самый важный вопрос на свете.

— А можешь мне рассказать что-нибудь? — тихо спросил он, глядя снизу вверх.

— Что, к примеру? — Демьян чуть наклонил голову, будто пытался угадать, что сейчас крутится в голове у мальчика.

— Про этот мир. Про существ, которые здесь живут. Я уже столько времени тут, а ни разу не выходил за ворота. Мне интересно... Почему я не могу выйти?

Демьян помолчал немного, подбирая слова так, чтобы не напугать, но и не соврать.

— Артём... Ты ещё мал, и я не могу рассказать всё сразу. Это как пытаться выпить целую реку — захлебнёшься. Но скажу то, что ты сможешь понять. Ты из человеческого мира, а я — из этого, где живёт нечисть. Тут, как и у вас, есть города, улицы, дома. Мы живём в центральном городе — Лурмит. Я не разрешаю тебе покидать дом только потому, что ты ребёнок: многого не знаешь, не чувствуешь опасностей. Существа тут разные: кто-то добрый,

кто-то злой — точно так же, как и в твоём мире. Только правила и законы здесь другие. Ты человек, Артём. И для тебя даже обычная улица может быть опасной. Даже если ты будешь со мной.

Артём нахмурился, будто пытался уложить эти слова в голове, сделать их не страшными, а просто... фактами.

— И что, я всё время буду сидеть здесь? — в его голосе прозвучала не обида, а скорее растерянность, как у того, кто вдруг понял, что мир больше, чем казалось, и от этого стало немного жутко.

— Нет, что ты. Я решаю этот вопрос. И, возможно, ты даже в школу пойдёшь.

— Когда? — тут же встрепнулся Артём.

— Когда тебе исполнится семь лет. Это через три месяца. А в сентябре, через восемь месяцев, ты пойдёшь в первый класс. Ты же знаешь, что такое школа?

— Знаю... — протянул Артём, и в этом слове было столько ожидания, будто школа представлялась ему не уроками и тетрадями, а дверью в новый, огромный мир.

— А ещё знаешь, что скоро Новый год? — с улыбкой добавил Демьян, стараясь немного развеять эту серьёзную тишину.

— Новый год?! — Артём вскочил на месте, будто его вдруг подбросило невидимой пружиной. — Правда?! А я совсем забыл! Вот голова... — Что? — удивлённо, но со смешком переспросил Демьян.

— Мы же будем украшать дом, правда?! — в глазах Артёма уже загорались воображаемые огоньки, будто он заранее видел гирлянды на перилах и мишуру на дверях.

— Конечно будем! — уверенно кивнул Демьян.

— Вместе? — голос мальчика прозвучал с такой надеждой, что Демьяну вдруг захотелось пообещать ему всё на свете, лишь бы эта надежда не угасла.

— Вместе! — твёрдо сказал он. — А что мой маленький принц хочет на Новый год?

— А вот принцу подавайте дракона! Это приказ! — Артём выпрямился, сделал строгое лицо и даже попытался щёлкнуть каблуками, хотя на нём были мягкие домашние тапочки. Жесты его были такими серьёзными, что хотелось одновременно рассмеяться и немедленно броситься искать самого большого игрушечного дракона.

— Да, мой господин! — с поклоном отозвался Демьян, едва сдерживая улыбку.

— Господин, — в проёме двери появилась Арэль, чуть склонив голову, но в её глазах плясали смешинки, — прошу простить, если отвлекаю, но мне бы хотелось украсть Артёма. На улице прекрасная погода: солнце светит, снег искрится, а Спарки там уже вовсю в сугробах прыгает — будто пытается закопаться до самого центра земли.

— Гулять? — глаза Артёма загорелись.

— Хочешь? — спросил Демьян, уже зная ответ, но давая мальчику право выбрать самому.

— А можно?

— На участке можно. Только шапку надень, ладно?

— Во блин... Ну ладно, хочу! — Артём уже почти подпрыгивал на месте от нетерпения.

— Ха-ха-ха, ну всё, беги! — Демьян шутливо подтолкнул его в сторону коридора.

И Артём побежал — не просто к двери, а к снегу, к Спарки, к тому короткому, но настоящему счастью, которое умещается в одном дне: в прыжках по сугробам, в морозном воздухе, в том, как щенок радостно тявкает и тащит в зубах варёжку, будто это величайшее сокровище.

Ближе к вечеру к дому подъехала чёрная машина и мягко скрипнула тормозами на заснеженной дорожке. Дверь распахнулась, и из неё вышли Остин с Германом.

Артём и Герман только увидели друг друга — и тут же сорвались с места, будто не неделю назад виделись, а целую вечность. Спарки мчался между ними, тявкал, путался под ногами и

только добавлял этой суматохе счастья. Они столкнулись посреди двора, чуть не повалившись в сугроб, обнялись, тут же отскочили друг от друга и принялись тараторить одновременно:

— Ты представляешь, я тут крепость начал, но она всё время падает! — А Спарки сегодня стащил варешку и прятал её под креслом! Я полчаса искал!

— Надо снежного монстра слепить! Огромного!

— Ага, чтобы он всех троллей пугал!

Их слова насккивали друг на друга, смешивались со смехом, и казалось, что от этого смеха даже мороз становится чуть теплее.

— Только неделю назад у нас были, а они соскучились так, будто всю жизнь не виделись, — с улыбкой и лёгким смешком сказал Демьян, стоя в дверях и наблюдая за этой беготнёй.

— Тут я с тобой абсолютно прав, — отозвался Остин, подходя ближе и тоже глядя на мальчишек с той самой тихой радостью, которая появляется, когда видишь, что кому-то по-настоящему хорошо.

Наконец, запыхавшиеся и покрасневшие, мальчишки ввалились в дом, стряхивая с себя снег, будто сбрасывали с плеч целый мир забот. В прихожей сразу стало шумно: Спарки носился кругами, стряхивая капли, Артём и Герман стягивали куртки, споря, кто первый пойдёт мыть руки, а потом тут же забывали про спор и снова начинали болтать про снежного монстра.

В гостиной они тут же нашли себе занятие по-мальчишески простое и важное: Герман вытащил из рюкзака маленькую игрушечную машинку и торжественно объявил, что это «броневик для защиты крепости». Артём тут же нашёл подходящую коробку, перевернул её и провозгласил: «Это башня!» Потом они начали бегать вокруг дивана, изображая оборону, а Спарки, решив, что это новая игра, лаял и пытался схватить «броневик» зубами.

— Тихо-тихо, герой, не съедай технику! — хохотал Артём, отбирая машинку.

— Ты у нас главный страж, а не диверсант!

А на кухне тем временем стало тихо — по-домашнему тихо, когда шум остаётся где-то в другой комнате, а здесь можно наконец выдохнуть и поговорить о самом важном. Демьян поставил на плиту чайник, Остин сел у окна, откуда было видно, как мальчишки мелькают в гостиной.

— Думаешь, они когда-нибудь перестанут так радоваться простым вещам? — тихо спросил Остин.

— Надеюсь, что нет, — ответил Демьян, доставая чашки. — Пусть хоть у них будет это «просто»: коробка — это башня, палка — меч, а друг рядом — это уже победа.

Чайник засвистел, и Демьян разлил кипяток по кружкам. Пахнуло мятой и чем-то ещё, спокойным и привычным.

— Так что насчёт того, чтобы Артём мог спокойно выходить на улицу? — спросил Остин, чуть наклоняясь вперёд. — Я понимаю, почему ты его держишь в доме. Но он растёт. И если он будет знать правила, если будет понимать, кого бояться, а с кем можно просто поздороваться... Может, начать с малого? С прогулок по безопасным улицам, с сопровождения, с тех районов, где нечисть соблюдает договор.

Демьян помолчал, глядя, как пар поднимается над чашкой, будто искал в этом узоре ответ.

— Я боюсь не того, что он увидит что-то страшное, — тихо сказал он. — А того, что однажды он посмотрит на меня и поймёт, что я не могу его защитить от всего. Что есть вещи, которые даже я не остановлю.

Остин чуть наклонил голову, не споря, просто слушая.

— Но ведь никто и не просит останавливать всё, — спокойно сказал он. — Просят научить его видеть опасность. Научить, где можно идти, а где лучше свернуть. Провести по тем улицам, где мы знаем каждую тень. Пусть сначала это будет час. Потом два. Потом он сам

начнёт чувствовать город. И тогда страх перестанет быть стеной — он станет просто частью дороги.

Демьян медленно кивнул, будто укладывая эти слова в себе, примеряя их, как примеряют новую куртку: сначала неловко, а потом понимаешь, что сидит впору.

— Хорошо, — наконец сказал он, чуть улыбнувшись. — Начнём с малого.

Сначала покажу ему безопасные маршруты. Потом, когда будет готов, возьмём его в город. Но не одного. Никогда одного.

Остин улыбнулся в ответ — не широко, а так, как улыбаются, когда знают, что сделали хоть маленький, но правильный шаг.

А в гостиной мальчишки уже забыли про крепость: теперь они сидели на полу, разглядывали какую-то книжку с динозаврами, которую Герман привёз, и спорили, кто круче — тираннозавр или дракон. Спарки улёгся между ними, положил голову на лапы и смотрел на них с видом мудрого советника, который знает, что люди вечно спорят о ерунде, но всё равно их любит.

И в этом доме, среди смеха, горячего чая и простых планов, казалось, что даже самый тёмный мир можно сделать чуть светлее — если рядом есть те, кто не даст тебе в него провалиться.

Дни до Нового года летели стремительно, наполненные уютным хаосом. Артём с Германом то строили в гостиной крепость из подушек и одеял, то устраивали «экспедиции» по дому, вооружившись фонариками и картой, которую сами же и нарисовали. Спарки неизменно становился и главным проводником, и главной помехой: то стаскивал «сокровище» (носок или ленточку), то врвался в самый напряжённый момент «битвы», радостно кружась и сбивая башни.

Вечерами Демьян рассказывал Артёму про Лурмит — не страшные сказки, а спокойные истории: про рынок, где торгуют светящимися кристаллами, про тихие переулки, где тени будто шепчутся, про районы, куда лучше не заходить после заката. Постепенно эти рассказы перестали пугать — они становились картой мира, в котором Артёму предстояло научиться жить. Остин и Демьян тем временем продумывали безопасные маршруты: выбирали улицы, где нечисть соблюдала договор, отмечали места, где можно быстро укрыться, и договаривались о сопровождающих. Демьян всё чаще брал Артёма на короткие прогулки по участку, учил замечать детали: как странно ложится тень, как затихают птицы перед чужой опасностью, как пахнет мороз, если рядом нет ничего «чужого».

А ёлку наряжали все вместе. Гирлянды путались, игрушки падали, Спарки пытался поймать мерцающие огоньки, а Герман хохотал и кричал, что это «драконье проклятие» — будто сам дракон охраняет праздник и не даёт всё сделать ровно.

Однажды, когда дом уже пах хвоей и мандаринами, Артём вдруг остановился посреди комнаты, посмотрел на Демьяна очень серьёзно и твёрдо сказал:

— Знаешь... Я тогда пошутил про игрушечного. Хочу настоящего дракона.

Чтобы он был мой. Чтобы летал над домом и никого ко мне не подпускал.

И чтобы я мог на нём кататься... ну, когда вырасту.

Демьян чуть улыбнулся, не стал отмахиваться и не стал обещать невозможного. Просто положил руку Артёму на плечо и тихо ответил: — Настоящих драконов встретить непросто. Но если он где-то есть и если он должен быть твоим — мы его найдём. А пока... давай сделаем так, чтобы никто не смог тебя обидеть, даже без дракона. Договорились?

Артём кивнул, будто принял самое взрослое решение в жизни. И в этом кивке было столько доверия, что у Демьяна на мгновение перехватило дыхание.

А потом Спарки уронил коробку с мишурой, комната взорвалась смехом, и серьёзность тут же рассыпалась на яркие блестящие кусочки — как и положено перед самым счастливым праздником.

Ночь перед Новым годом в доме Демьяна была наполнена предвкушением — тихим, но осязаемым, как электрический ток в морозном воздухе. Артём то и дело выглядывал в окно, будто надеялся, что праздник придёт раньше, просто чтобы порадовать его. Он уже трижды пересчитывал подарки под ёлкой (хотя знал, что их не больше пяти), гладил Спарки и шептал ему: «Сегодня будет что-то особенное. Я чувствую».

А особенное Демьян готовил. Ради этого он ещё за неделю до праздника отправился туда, куда обычно старался не заглядывать без крайней нужды — на чёрный рынок Лурмита. Это место жило по своим законам: там торговали тенями, осколками лунного света, ключами от забытых дверей и вещами, о которых лучше не спрашивать вслух. Рынок прятался в подземном переходе между двумя старыми кварталами, где фонари горели тускло, а воздух был густым от запахов гари, пряностей и чего-то древнего, почти забытого.

Демьян шёл между прилавками, где на бархатных подушках лежали странные артефакты, а в клетках дремали существа, от одного вида которых хотелось уйти и не оглядываться. Он искал не просто редкость — он искал чудо, которое подойдёт именно Артёму: не страшное, не дикое, а такое, в котором будет искра дружбы.

И он нашёл его. В самом дальнем углу, у торговца в тёмном плаще, который говорил шёпотом, будто боялся разбудить свои товары. В небольшой клетке, укутанной плотной тканью, сидел маленький дракон. Чёрный, как ночное небо, с ярко-фиолетовыми полосками, которые вспыхивали, если на них попадал свет. Он был не больше кота, но в его взгляде было столько достоинства, что казалось — он помнит все зимы мира.

— Он не кусается, — тихо сказал торговец. — Но и не будет делать всё, что скажешь. С ним надо договариваться.

Демьян кивнул, не стал торговаться — цена была высокой, но для этого чуда она казалась правильной. Он завернул клетку в тёплый плед, чтобы дракон не замёрз, и понёс его домой, чувствуя, как внутри всё сжимается от мысли: «А вдруг это слишком? Вдруг это напугает Артёма?» Но потом он вспомнил его серьёзное лицо и слова: «Хочу настоящего дракона». И понял — иногда чудо должно быть настоящим.

В доме ёлка переливалась огнями, запах мандаринов смешивался с хвойным ароматом, а на кухне Арэль тихо напевала что-то под нос, раскладывая угощения. Артём сидел на диване, прижав колени к груди, и изо всех сил старался не прыгать от нетерпения.

Ровно в полночь часы пробили двенадцать. Дом будто выдохнул, и в эту секунду всё стало возможным. Демьян подошёл к Артёму, присел рядом и протянул небольшую коробку, обёрнутую в тёмно-синюю бумагу с фиолетовыми звёздами.

— С Новым годом, — тихо сказал он. — Ты просил настоящего. Так пусть он будет твоим.

Артём осторожно развязал ленту, снял крышку... и замер. Дракон поднял голову, посмотрел на него своими янтарными глазами, чуть расправил крылья — и фиолетовые полоски на его спине мягко вспыхнули, будто отозвались на свет праздника.

— Это... он... — прошептал Артём, боясь пошевелиться, будто любое резкое движение спугнёт это волшебство. Потом медленно протянул руку. Дракон не отпрянул. Вместо этого он чуть наклонил голову, будто говорил: «Я тут. Мы теперь вместе».

Артём засмеялся — громко, искренне, так, что даже Спарки, сидевший рядом, вскочил и начал радостно носиться по комнате, решив, что это новая игра. Мальчик осторожно взял дракона, прижал к себе, чувствуя, как под чешуёй ровно и спокойно бьётся маленькое сердце.

— Его зовут... ну, пусть будет Искорка, — вдруг сказал Артём, глядя на фиолетовые полоски. — Потому что он светится.

Демьян улыбнулся. В этот момент он понял: всё было не зря.

Вскоре после полуночи приехали Остин и Герман. Они ворвались в дом с морозным воздухом, снежинками в волосах и коробками подарков, и сразу стало ещё шумнее, ещё веселее. Герман первым делом бросился к Артёму:

— Ты видел?! У тебя дракон! Настоящий?!

— Настоящий! — Артём сиял. — Он мой! Его зовут Искорка!

Спарки, решив, что новый член семьи должен быть немедленно проверен, осторожно подошёл, понюхал Искорку и, кажется, остался доволен — потому что тут же плюхнулся рядом, будто теперь они втроём — неразлучная команда.

Остин хлопнул Демьяна по плечу:

— Вижу, ты решил не мелочиться с чудесами.

— Решил, — кивнул Демьян, и в его глазах было что-то большее, чем просто радость. — Но одного чуда мало. Хочу, чтобы этот год был полон таких дней.

Он подошёл к Артёму и тихо сказал:

— Хочешь, сделаем ещё одно? Прямо сейчас?

Артём кивнул так быстро, что даже Искорка чуть подпрыгнул у него на коленях.

Они вышли на улицу. Снег лежал пушистым ковром, звёзды казались такими близкими, что хотелось дотянуться. Парк рядом с домом был тихим, почти волшебным: деревья стояли в белых шапках, фонари отбрасывали длинные тени, а воздух пах зимой и надеждой.

Они шли все вместе: Артём впереди, крепко держа Искорку, но уже не боясь, что тот улетит; Спарки носился вокруг, пытаясь поймать собственные следы; Герман бежал рядом, подкидывая снежки; Демьян, Остин и Герман шли чуть позади, улыбаясь этому детскому счастью, которое вдруг стало и их счастьем тоже.

В какой-то момент Артём остановился, поднял голову к звёздам и тихо сказал:

— Знаешь, дядя Дёма... теперь мне не страшно. Потому что у меня есть дракон, и собака, и друг, и ты... и все вы.

Демьян молча положил руку ему на плечо, не пытаясь ничего объяснить. Иногда достаточно просто стоять рядом и знать: чудо случилось. И оно останется с тобой надолго.

А Новый год только начинался.

Зима после того Нового года была тёплой — не по погоде, а по духу. Дом жил шумно и привычно: Спарки вырос окончательно и стал гордым псом, охранявшим свои игрушки с видом генерала, а Искорка — нет, Себастьян, как начал называть его Артём, решив, что настоящему дракону нужно настоящее имя, — обосновался на полке над кроватью мальчика и снисходительно наблюдал за всем, что происходило внизу. Полоски на его чешуе вспыхивали ярче, когда он был доволен, и Артём быстро выучил этот язык: тускло — «не мешай, я дремлю», ярко — «гладить можно, даже нужно».

День рождения

К седьмому дню рождения Артёма, дом Демьяна превратился в маленький штаб праздника. Арэль неделю пекла и отгоняла Спарки от кухни, Остин привёз гирлянды, а Демьян тайком вешал их по ночам, чтобы к утру Артём «обнаружил», что дом сам наряжился.

В сам день рождения мальчика разбудил не будильник, а тёплый нос Себастьяна, ткнувшийся ему в щёку. Внизу пахло блинами, а в гостиной лежала гора подарков. Герман приехал рано, с подарком, который гордо вручил первым: рамкой, в которую было вставлено засушенное светящееся перо ночного мотылька из дальних краёв. «Оно светится в темноте и отгоняет кошмары», — сообщил он с такой важностью, будто дарил корону.

Были игры, торт с семью свечами (задувать с первого раза не вышло, помог Спарки, лизнув один из огоньков, к общему хохоту), и были клятвы перед свечами, что Артём в этом году «точно, ну прям точно» научится читать. Демьян запомнил эту клятву. И в тот же вечер позвонил по одному особому номеру.

Весна принесла в дом нового человека. Полукровка по имени

Рэйан — наполовину человек, наполовину нечесть, с серой кожей, всегда спокойным голосом и привычкой ходить беззвучно. Демьян представил его просто: «Это Рэйан. Он будет учить тебя правилам этого мира и ходить с тобой, когда мы решим, что тебе пора на улицу».

Сначала Артём дичился, но Рэян умел разговаривать с детьми так же, как Демьян — на одном уровне, без наигранности. Он учил Артёма не алфавиту (это было позже), а главному: как отличить существо, которое соблюдает договор, от того, кто притворяется; какие тени безопасны, а какие лучше обойти; что если в переулке вдруг стало очень тихо — не останавливаться, а идти ровно и быстро. Артём слушал и запоминал, а Себастьян сидел у него на плече и, кажется, тоже запоминал.

А по вечерам начиналось главное. Артём подолгу сидел с книгами, водил пальцем по строчкам, хмурился, догадывался и снова ошибался. Он говорил об этом Демьяну десятки раз, в самых разных формах:

— Я обязательно научусь читать! Тогда прочитаю всю библиотеку. Даже те книги, где страшно. Особенно те книги, где страшно.

— Я стану самым умным. Везде. Даже умнее Рэйана, но ему не говори, он расстроится.

— Вот выучусь и сам пойму, что там за существа в моей книге. Про Джона тоже пойму. Про то, чего даже в книге не написано.

Демьян каждый раз отвечал одно и то же, с улыбкой: «Самым умным не рождаются. Самыми умными становятся по чуть-чуть. Ты как раз этим и занимаешься».

К концу весны Артём читал по слогам, гордо, с интонацией, и это было в сто раз ценнее любого пения.

Лето

Летом Демьян сдержал своё слово. Впервые за всё время они вышли за ворота.

Правила Рэян проговорил ещё утром, стоя перед мальчиком как строгий, но добрый учитель: идти только по согласованным улицам, руку не отпускать, к любому, кто окликает по имени, не поворачиваться первым, а дожидаться, пока скажет взрослый. И главное: «Если я скажу "за мной" — не спрашивать. Просто идти».

Прогулки были короткие, сначала до конца улицы и обратно, потом до угла, потом до маленького сквера с фонтаном, где вода искрилась так, что Себастьян на плече выгибался от восторга. Артём впитывал город глазами:

витрины лавок с нечеловеческими товарами, существа всех форм и окрасов, торгующиеся, спешащие, смеющиеся. Для него это был не страх — это был мир, который он наконец увидел не из окна. Каждый вечер он рассказывал Спарки (который оставался дома) всё, что видел, до последней детали, будто отчитывался перед пропустившим. Параллельно Демьян хлопотал о школе. У него были связи — старые знакомства среди тех, кто знал, где и как учат детей в этом мире. Дело шло не быстро: нужно было место, где к ребёнку-человеку отнесутся правильно, где преподают с оглядкой на то, что ученики приходят из разных миров. Демьян обзванивал, встречался, уговаривал, используя старые долги, и ни разу не пожалел об этом.

Август

В августе пришло письмо. Гербовая печать, плотная бумага, аккуратные строчки: Артём зачислен в специальную школу Лурмита, где учатся вместе дети-люди и дети-нечесть. Программа адаптирована, классы смешанные, правило одно для всех — уважение и безопасность.

Демьян вручил конверт Артёму лично. Тот открыл его, прочитал (сам, по слогам, но сам!) главную строку и закричал так, что Себастьян взлетел с полки, а Спарки примчался из кухни с бешеным лаем.

— Меня взяли! Дядя Дёма, меня взяли! Я пойду в школу! В настоящий первый класс!

Покупки к школе превратились в маленькое приключение. Портфель выбирался долго и принципиально (победил тёмно-синий с вышитым драконом, «как у Себастьяна»), карандаши перебирались и пересчитывались трижды, а тетради Артём гладил, как гладят котят. Герман приехал помогать и втайне от Артёма купил ему блокнот с обложкой «Лучшему будущему самому умному в мире».

А потом пришла новость, от которой Артём подпрыгнул второй раз за день:

Германа зачислили в ту же школу. В тот же класс. Совпадение, устроенное Остином и Демьяном за чашкой чая без единого лишнего слова, но для мальчишек это было чистое чудо.

Первое сентября

Утро первого сентября пахло свежестью и лёгкой паникой: Артём перемывал лицо три раза, заправлял рубашку и разжимал кулаки, в которых заминала фигурка Себастьяна («На удачу. Ты же меня ждёшь вечером?»). Демьян и Рэйан провожали его до самых ворот школы. Во дворе шумели ученики всех видов — рогатые, чешуйчатые, хвостатые и совсем обычные, как Артём, и от этого калейдоскопа даже не пугало, а завораживало.

Герман нашёл его у входа, и они вошли в школу вместе, плечом к плечу. День тянулся бесконечно. Демьян дома то подходил к окну, то отходил от него, то садился за стол, то вставал. Арэль вежливо не комментировала.

Рэйан усмехался.

Вечером двери распахнулись, и Артём влетел в дом, не сняв рюкзак, уже с порога начиная говорить:

— Дядя Дёма! Дядя Дёма, ты не представляешь! У нас учительница, она такая добрая, она знает всех наизусть! У нас в классе есть малышоборотень, он из-за волнения превращается в щенка, а потом краснеет и возвращается! И ещё нам выдали учебники, они настоящие, с картинками, и одну парту мы с Германом заняли, сдвоенную, это как раз нам! И там была перемена, на переменах можно на площадке, а площадка там... дядя Дёма, там даже горка есть, у нас в человеческих школах таких нет! А на обеде давали суп, настоящий, я съел весь, честно! А ещё мы писали первую букву, я написал аккуратно, учительница похвалила, сказала «старательно»! И после уроков мы с Германом посмотрели всю школу, там есть читальный зал, представляешь, там стеллажи до потолка, я обязательно там буду читать, я же обещал, что стану самым умным... Он говорил до самого вечера, не сбавляя темпа, перематывая день тудасюда, возвращаясь к деталям: к цвету мелков, к смеху соседки по парте, к тому, что рюкзак, оказывается, тяжёлый, «но это ничего, я привыкну». Себастьян сидел у него на плече и вспыхивал ярко-фиолетовым от каждого восклицания, а Спарки лежал у ног, слушая, будто всё понимал.

А Демьян сидел напротив и слушал. До последнего слова. Не перебивая, не торопя, просто слушая — и понимая, что всё, всё было не зря: и рискованный подарок на чёрном рынке, и письма, и разговоры, и каждая маленькая прогулка за ворота.

Первый день школы закончился, а первый день остального — только начинался.

Глава третья

Познавание новой жизни

Школьные дни быстро сложились в свой особенный ритм — не шумный, а уютный, будто дом сам подстроился под расписание Артёма. Каждое утро начиналось одинаково: Спарки тыкался мокрым носом в щёку, Себастьян тихонько чиркал когтями по полке, проверяя, проснулся ли мальчик, а на кухне уже пахло горячим чаем и чем-то сладким — Арэль всегда оставляла на столе маленький сюрприз: то печенье в форме звёздочек, то кусочек пирога, который «только что из духовки, но никому не говори». Уроки в школе были не такими, как в человеческих учебниках. Вместо арифметики — расчёты траекторий теней и того, как долго держится лунный свет на разных улицах. Вместо природоведения — лекции о видах нечисти, их привычках и слабых местах. На трудах они учились плести защитные нити, которые потом носили на запястье, а на

физкультуре — бегать так, чтобы не привлекать внимание тех, кто охотится на звук шагов.

Сначала всё это казалось Артёму огромным и немного пугающим. Он возвращался домой, скидывал рюкзак у двери, садился на пол и просто сидел, пока Себастьян не устраивался у него на коленях, тёплый и тяжёлый, как самое надёжное одеяло. Потом начинал рас-

сказывать — сначала сбивчиво, потом всё ровнее: про то, как учительница показывала, как отличить безопасный туман от ядовитого, про то, что у оборотней в классе есть правило: если кто-то случайно меняет форму, никто не смеётся, потому что это неловко.

Демьян не торопил. Он садился рядом, иногда просто слушал, иногда просил повторить: «А теперь скажи это так, будто ты объясняешь Спарки. Он умный, но ему нужно просто». Постепенно из этих разговоров вырастали настоящие домашние занятия. Демьян доставал старые карты Лурмита, раскладывал их на полу и просил Артёма проложить безопасный маршрут до школы, отмечая места, где тени ложатся странно, и где лучше держаться середины улицы. Он учил мальчика видеть не только глазами, но и кожей — чувствовать, когда воздух становится «тяжёлым», и понимать, что это значит.

А уроки чтения шли совсем по-другому. Демьян приносил потрёпанные книги с крупными буквами, и они читали вместе, по строчке, по слову. Иногда Демьян нарочно делал опечатку, чтобы Артём её заметил и поправил — и каждый раз, когда это случалось, мальчик сиял так, будто поймал падающую звезду.

Но времени на всё не хватало. Однажды ночью Демьян сидел над конспектами Артёма, пытаясь разобраться в классификации ночных духов, и вдруг понял, что глаза слипаются. В дверях тихо появилась Арэль с кружкой тёплого молока.

— Иди спать, — тихо сказала она, не спрашивая, а просто ставя точку. — Я посижу тут. Если он проснётся и начнёт переживать из-за завтрашнего теста — я всё ему расскажу про духов. Я их столько раз прогоняла из кладовой, что могу лекцию прочитать.

И так у них вошло в привычку: они менялись ночью местами. Пока один отдыхал, другой тихо сидел в гостиной или в комнате Артёма, перекладывал карточки с названиями существ, писал шпаргалки, которые на самом деле были просто подсказками, чтобы мальчик не боялся. Иногда Артём просыпался, видел Арэль, которая что-то чертила на полях его тетради, и тихо улыбался:

— Ты тоже учишься?

— Ага, — шептала она. — Чтобы, если вдруг спросят, я могла сказать: «Я знаю, я с Артёмом готовилась».

Со временем Демьян стал замечать, что Артём не просто запоминает правила — он начинает их чувствовать. Он сам останавливался, если тень на тротуаре казалась слишком густой. Сам напоминал Герману: «Давай пойдём той дорогой, там фонари ярче». И однажды Демьян решился. — Знаешь, — сказал он как-то вечером, когда мальчики сидели на полу и пытались научить Себастьяна сидеть смирно (что было примерно так же успешно, как уговаривать ветер не дуть), — я думаю, можно попробовать гулять с Германом без Рэйана. Но только по тем улицам, которые ты уже знаешь. И только если вы держитесь вместе. И если через час будете дома. Договорились?

Артём замер, будто боялся, что если моргнёт, предложение исчезнет.

Потом кивнул так сильно, что даже Себастьян подпрыгнул.

— Мы будем аккуратными! Честно! Мы даже Спарки возьмём — он же всё чует!

Так начались их самостоятельные прогулки. Они шли по знакомым улицам, где фонари горели ровно, а тени лежали спокойно. Иногда останавливались у витрины лавки, где торговали светящимися камнями, и спорили, какой цвет круче. Иногда находили на тротуаре странный след и долго гадали, кто его оставил. Спарки бегал вокруг, нюхал каждый куст, а Себастьян сидел на плече у Артёма и время от времени тихо фыркал, будто комментировал их выводы.

Эти прогулки были короткими, но для Артёма они значили больше, чем любые уроки. Это было доказательство: ему доверяют. Его считают достаточно умным и внимательным, чтобы ходить по городу и не попадать в неприятности.

Дома их всегда встречали одинаково: Демьян выходил на крыльцо, смотрел, как они бегут к нему, и кивал, будто проверял, всё ли на месте. А потом они садились ужинать, и Артём

снова рассказывал про день — про то, что узнал на уроке, про то, как они с Германом нашли безопасный путь, про то, как Спарки чуть не утащил у торговца булочку, и как им пришлось извиняться.

Иногда Демьян слушал и думал, что самое важное в этих рассказах — не факты, а то, как уверенно звучит голос мальчика. Как он больше не шепчет «а вдруг я не пойму», а говорит «я запомнил, я знаю».

А однажды вечером, когда Себастьян уже устроился на полке, Спарки свернулся у камина, а Артём уснул прямо на диване, уткнувшись в учебник, Демьян тихо убрал книгу, накрыл мальчика пледом и сел рядом, просто чтобы посидеть в тишине. Арэль подошла, села рядом и тихо сказала:

— Он становится таким, каким должен быть. Не испуганным, а сильным. Демьян кивнул. Он знал: впереди ещё много дорог, много уроков и много страхов, которые придётся пройти. Но сейчас, в этом доме, у этого мальчика было всё, чтобы с ними справиться: друзья, семья, дракон на полке и люди, которые готовы сидеть с ним над учебниками хоть всю ночь.

Дни в школе потихоньку перестали быть испытанием и стали приключением. Артём всё чаще возвращался домой не просто уставшим, а переполненным новостями — и такими, что их не удержать в одном предложении.

Первыми к нему потянулись девочки. Сначала Лия — она была наполовину водяной дух, и от неё всегда пахло дождём и речной мятой. Она не смеялась, когда Артём путался в классификации ночных теней, а тихо подсказывала: «Смотри, тут не про цвет, тут про то, как они двигаются. Как рябь на воде». Рядом с ней становилось спокойнее. Потом к ним присоединилась Мира — девочка с кошачьими глазами и привычкой забираться на самые высокие скамейки в парке, чтобы видеть всё вокруг. Она научила Артёма одному важному правилу: «Если не знаешь, куда идти, — поднимись чуть выше и посмотри. Сразу станет понятно».

Мальчики подтягивались по-другому. Кто-то сначала проверял, «свой ли», кто-то просто тянулся к тому, кто не боится задавать глупые вопросы. Так рядом оказались Кеон, который обожал карты и мог нарисовать план любого переулка за минуту, и Тамир — он был из семьи хранителей городских часов и знал, в какой момент суток какая улица становится самой тихой и самой опасной.

Теперь после уроков ребята не разбегались сразу. Они собирались у ворот школы, скидывали тяжёлые рюкзаки, и начинался маленький совет: куда сегодня, как долго, что взять с собой. Чаще всего шли в парк недалеко от школы — туда, где фонари стояли густо, а тропинки были знакомы до каждой выбоины. Там было безопасно, и это давало им свободу: можно было болтать, не оглядываясь на каждый шорох.

Иногда прогулки получались простыми: они кормили городских белок (те были наполовину иллюзиями и исчезали, если на них смотреть слишком пристально), спорили, чей рюкзак тяжелее, и пытались научить Себастьяна сидеть смирно на плече у Артёма. Себастьян, конечно, не слушался, но охотно позволял себя гладить и в знак особого расположения вспыхивал фиолетовыми полосками. Спарки бегал вокруг, нюхал всё подряд и время от времени пытался «спасти» ребят от безобидных теней, которые просто падали от веток.

А иногда прогулки становились почти настоящими экспедициями. Кеон доставал свою карту, Мира забиралась на скамейку и смотрела вдаль, Лия прислушивалась к ветру, будто он шептал ей что-то важное, а Тамир называл точное время, когда нужно будет повернуть назад, чтобы не застать «серую минуту» — тот короткий промежуток, когда тени становятся длиннее, чем положено. Герман и Артём шли впереди, как будто на них лежала особая ответственность: показать, что даже человек и его друг могут быть частью этой команды.

В школе дни складывались из мелочей, которые потом превращались в привычки. На уроке по распознаванию следов они учились отличать отпечаток обычного кота от следа существа, которое маскируется под кота. На занятиях по городской безопасности разбирали, как

вести себя, если вдруг погасли все фонари на улице. А на уроках чтения Артём теперь не просто читал по слогам — он читал вслух для всех, когда учительница просила кого-то озвучить абзац, и делал это уверенно, будто слова были его союзниками.

Однажды учительница дала классу задание: придумать безопасный маршрут от школы до ближайшего рынка, где продавали светящиеся ягоды. Ребята разбились на группы, и в команде Артёма оказались Лия, Мира и Кеон. Они спорили, смеялись, чертили линии на общей карте, а потом дружно решили, что самый надёжный путь — тот, где больше фонарей и где по вечерам часто ходят патрульные. Когда они показали маршрут учительнице, она одобрительно кивнула: «Вы не просто выбрали дорогу. Вы подумали, почему она безопасна. Это самое главное».

Дома всё тоже жило своим ритмом. Демьян по-прежнему помогал с уроками, но теперь Артём всё чаще сам тянулся к книгам. Он раскладывал карточки с существами на полу, раскладывал их по силе и слабости, а Себастьян устраивался рядом и иногда тыкался носом в самую яркую карточку, будто выбирал, кого бы он победил в честном бою.

Арэль по вечерам рассказывала истории, но не страшные, а такие, где герой сначала боялся, а потом находил способ справиться. Иногда она приносила с кухни что-то особенное: печенье в форме звёзд, горячий шоколад с пряностями, от которого сразу становилось теплее. А Спарки, казалось, знал, когда Артёму нужно просто посидеть в тишине: он укладывался у его ног и смотрел так, будто говорил: «Я тут. Если что — я залаю».

Рэйан продолжал свои занятия, но теперь они были не только про правила. Он учил Артёма замечать детали: как меняется запах воздуха перед грозой, как ведут себя птицы, если рядом появляется что-то чужое, как отличить настоящий страх от того, который просто пугает своей тенью. Артём слушал, запоминал и потом, на прогулке, проверял: «Смотри, Кеон, тут птицы затихли. Может, нам лучше свернуть?» И ребята сворачивали, не споря, потому что знали — он не выдумывает.

Были и особенные дни. В один из них ребята договорились встретиться в парке пораньше, чтобы успеть посмотреть, как первые лучи солнца ложатся на старые камни у фонтана. Оказалось, что в этот момент на камнях проступают тонкие светящиеся линии — будто кто-то давнымдавно вырезал на них тайные знаки. Мира первая заметила, Лия сказала, что это похоже на язык ветра, Кеон тут же достал блокнот и начал зарисовывать, а Тамир предупредил, что долго стоять нельзя: «Когда солнце поднимется выше, эти линии исчезают, и лучше не быть там, когда это случится». Они постояли ровно столько, сколько нужно, записали всё, что запомнили, и пошли дальше, чувствуя себя чуть-чуть старше и чуть-чуть умнее.

В другой день в классе устроили практическое занятие: нужно было найти безопасный выход из «загадочного переулка» — так называли специально оборудованный коридор с приглушённым светом и движущимися тенями. Ребята работали в парах, и Артём оказался с Мирой. Они не бежали, а шли медленно, прислушиваясь к каждому звуку, и в какой-то момент Мира тихо сказала: «Тут не страшно. Тут просто нужно быть внимательным». И Артём понял, что она права.

Вечерами, когда все уже расходились по домам, Артём садился рядом с Демьяном и рассказывал про день. Не всё подряд, а самое важное: про светящиеся линии на камнях, про то, как они с Мирой нашли выход из переулка, про спор с Кеоном о том, какой маршрут самый надёжный. Демьян слушал, иногда задавал один-два вопроса, чтобы Артём сам додумал то, что осталось между строк, и кивал.

— Ты не просто запоминаешь правила, — как-то сказал он. — Ты начинаешь их чувствовать. Это самое ценное.

Артём улыбался, будто это была самая большая похвала на свете.

А потом он поднимался к себе, гладил Себастьяна, который уже устроился на полке, шептал ему: «Сегодня было хорошо. Мы всё сделали правильно», и ложился спать, зная, что

завтра будет новый день, новые прогулки, новые открытия — и что рядом всегда будут те, кто поможет, если станет страшно.

Осень подкралась к городу незаметно — сначала просто стало темнеть раньше, потом на тротуарах появились первые жёлто-фиолетовые листья (в Лурмите даже листья росли с оттенком магии), а потом однажды утром парк будто накрыло тонкой дымкой, в которой тени казались чуть длиннее и хитрее. Но для Артёма эта осень была не про страх — она была про то, как много он уже умеет замечать.

В школе дни шли один за другим, и каждый приносил что-то своё. На уроке по городской маскировке учительница показывала, как сделать так, чтобы тебя не замечали те, кто ищет глазами движение. Артём старательно учился стоять неподвижно, будто он часть стены, и у него получалось — не сразу, но получалось. А на занятиях по распознаванию запахов они тренировались отличать обычный городской запах (дым, специи, мокрая брусчатка) от того, который появляется, когда рядом что-то «чужое». Лия была в этом лучшей: она закрывала глаза и говорила: «Тут пахнет как перед грозой, но грозы не будет. Это кто-то прячется». И почти всегда оказывалась права.

Однажды в классе объявили, что будет выездное занятие: нужно пройти по старому району, где дома стояли вплотную друг к другу, а переулки петляли, будто специально, чтобы запутать. Учительница разделила всех на пары, и Артём оказался с Мирой. Герман и Кеон шли следом, чуть позади, будто охраняли тылы, а Тамир и Лия замыкали цепочку, прислушиваясь к эху шагов.

Район был тихим, слишком тихим. Даже голуби не сидели на карнизах.

Артём шёл, стараясь дышать ровно, и вдруг остановился:

— Тут... воздух тяжёлый, — тихо сказал он. — Как будто его кто-то выпил.

Мира кивнула, не удивляясь:

— Значит, сворачиваем. Не потому что страшно, а потому что умно. Они свернули в боковой переулок, и тут же мир будто вернулся: снова зашуршали листья, снова где-то вдалеке залаяла собака, и даже тени легли нормально, по-человечески. Когда они вернулись к учительнице, та улыбнулась:

— Вы не просто шли. Вы думали. Это самое важное.

После таких дней прогулки в парке становились особенными. Ребята не бегали бездумно — они искали безопасные места, пробовали новые маршруты, учились замечать, где свет ложится иначе. Однажды Тамир нашёл старую скамейку, которая, казалось, была сделана из камня, но на самом деле оказалась иллюзией: если на неё сесть, она чуть покачивалась, будто живая. Все по очереди посидели, а потом долго спорили, зачем она тут стоит.

— Может, это ловушка, — сказал Кеон, прищурившись.

— А может, это место, где можно спрятаться, потому что никто не верит, что тут кто-то сидит, — возразила Мира.

— Или это просто скамейка, которая любит, когда на ней сидят, — тихо добавил Артём.

И все вдруг рассмеялись, потому что это было самое простое и самое правильное объяснение.

Себастьян тоже участвовал в прогулках. Он не бегал, как Спарки, но любил сидеть на плече у Артёма и время от времени тихо фыркать, будто комментировал происходящее. Иногда его фиолетовые полосы вспыхивали без причины, и ребята тут же замирали: значит, где-то рядом что-то шевелилось, даже если они этого не видели.

Дома всё шло своим чередом, но теперь Артём всё чаще помогал сам. Он раскладывал карточки с существами не по алфавиту, а по степени опасности, и даже Арэль иногда заглядывала и просила: «Объясни мне ещё раз, почему вот этот, с крыльями, опаснее того, у которого когти». Артём объяснял серьёзно, будто читал лекцию, и в эти моменты было видно, как он растёт.

Демьян по-прежнему сидел с ним над учебниками, но теперь всё чаще задавал вопросы, а не давал ответы:

— Ты говоришь, что этот район опасен. А как ты это понял? По свету? По звуку? По запаху?

Артём думал, подбирая слова, и когда находил правильное, Демьян кивал:

— Вот это и есть знание. Не заученное, а своё.

А по ночам они с Арэль по-прежнему менялись местами. Только теперь Артём иногда просыпался и видел, как Демьян сидит у окна, смотрит на город и будто проверяет, всё ли на месте. Однажды мальчик тихо подошёл, сел рядом и сказал:

— Я не буду делать глупостей. Я всё помню: держаться середины улицы, не отвечать тем, кто зовёт по имени, смотреть на тени.

Демьян положил руку ему на плечо:

— Я знаю. Но иногда мне просто нужно посидеть вот так и подумать, что ты дома. Что ты в безопасности.

Артём кивнул, будто понял что-то очень взрослое, и они посидели ещё немного, слушая, как дом дышит в темноте.

Рэян тоже не ослаблял бдительность, но теперь его уроки стали другими.

Он больше не объяснял правила — он ставил задачи.

— Представь, — говорил он Артёму, — что ты идёшь по улице, и вдруг все фонари гаснут. Что ты делаешь?

— Сначала не бегу, — отвечал Артём. — Смотрю, есть ли рядом дверь, куда можно зайти. Если нет — иду туда, где раньше видел патруль. И держу Себастьяна поближе, потому что он чувствует, когда что-то не так.

Рэян кивал, и в его глазах появлялось что-то похожее на гордость. Постепенно Демьян стал разрешать Артёму гулять с Германом и остальными без Рэйана — но только по тем маршрутам, которые мальчик мог нарисовать по памяти, и только на короткое время. Сначала это были десять минут, потом двадцать, потом полчаса. И каждый раз, когда ребята возвращались, Демьян встречал их у двери, смотрел на них, будто считал, все ли на месте, и только потом улыбался:

— Ну, рассказывайте. Что заметили?

И Артём рассказывал: про тень, которая двигалась не в ту сторону, про запах, который показался странным, про то, что Спарки вдруг замер и уставился в одну точку. Демьян слушал, кивал и говорил: — Хорошо. Ты видишь. Это главное.

Были и тихие дни, когда ничего особенного не происходило. В такие дни Артём сидел на полу, читал книжку, которую ему подарила Арэль (про маленького духа, который охранял старый дом), а Себастьян дремал рядом, изредка вздрагивая во сне. Спарки лежал у его ног и делал вид, что он тоже читает, просто у него лапы мешают держать книгу.

А потом наступали дни, когда всё вдруг складывалось в одно большое приключение. Как в тот день, когда ребята нашли в парке старую дверь в стене. Она была почти незаметна — заросла плющом, будто её специально прятали. Мира первая заметила, Лия сказала, что от неё пахнет временем, Кеон тут же достал блокнот и начал рисовать, а Тамир предупредил, что трогать её нельзя, пока не узнают, куда она ведёт. Они стояли вокруг, смотрели, спорили, а потом решили, что расскажут об этом учительнице. И когда они рассказали, учительница не стала ругать их за

любопытство — она сказала:

— Любопытство — это хорошо. Но любопытство с осторожностью — это сила.

Так проходили дни: в учёбе, в прогулках, в разговорах, в маленьких открытиях. Артём становился не просто умнее — он становился внимательнее, спокойнее, увереннее. Он всё ещё боялся темноты, но теперь знал, что делать, если она станет слишком густой. Он всё ещё иногда

путался в названиях существ, но уже мог описать, как они себя ведут. И он всё чаще ловил себя на мысли, что этот мир, такой сложный и опасный, становится для него своим.

А вечером, когда все расходились по домам, Артём садился рядом с Демьяном и рассказывал про день. Про дверь в парке, про тень, которая двигалась неправильно, про то, как Мира снова забралась на скамейку и смотрела вдаль, будто видела что-то, чего не видели остальные. Демьян слушал, иногда задавал один-два вопроса, и в конце всегда говорил:

— Ты растёшь. Не только в высоту. Внутрь. Туда, где живёт смелость. Артём улыбался, будто это была самая большая похвала на свете, а потом поднимался к себе, гладил Себастьяна, шептал ему: «Сегодня было хорошо. Мы всё сделали правильно», и ложился спать, зная, что завтра будет новый день, новые прогулки, новые открытия — и что рядом всегда будут те, кто поможет, если станет страшно.

Близился праздник Осенних Фонарей — в Лурмите его любили больше, чем Новый год: считалось, что именно в эту ночь тени становятся послушными, а город раскрывает свои добрые секреты. В школе к празднику готовились заранее: на уроках труда ребята мастерили фонарики из тонкой бумаги и светящихся нитей, которые давали мягкий, тёплый свет и не привлекали внимание опасных существ.

Артём делал свой фонарь вместе с Германом. Они спорили, какого цвета бумагу взять: Герман хотел ярко-оранжевый, чтобы было видно издалека, а Артём — тёмно-синий, «чтобы он был как ночное небо, но с огоньком внутри». В итоге выбрали оба: разделили фонарь на секции, и он получился будто полосатым, как Себастьян. Когда они закончили, Мира тихонько добавила по краю тонкую вышивку из светящейся нити — узор, похожий на следы маленьких лап.

— Это чтобы фонарь знал, что его делали друзья, — сказала она, чуть смущённо улыбаясь.

В день праздника школа будто стала другой: коридоры украсили гирляндами из сухих трав и кристаллов, в холле поставили большую чашу, куда каждый мог положить записку с тем, чего боится, чтобы в полночь её сожгли и страх улетел вместе с дымом. Артём долго думал, что написать. Сначала хотел: «Боюсь, что не пойму урок», потом: «Боюсь теней», а в конце просто вывел: «Боюсь подвести тех, кто мне доверяет». Он положил записку в чашу, и ему сразу стало легче, будто он поделился тяжестью, а не просто сжёг бумажку.

После уроков ребята не побежали сразу в парк, а задержались у школьных ворот. Учительница подошла к ним, улыбнулась и сказала:

— Сегодня можно не спешить. Сегодня ночь для того, чтобы идти медленно и смотреть по сторонам.

И они пошли. Сначала по знакомым улицам, где фонари горели ровно, а потом свернули туда, где город становился тише. В парке деревья стояли, будто наряженные в серебристые плащи, а на дорожках лежали мягкие круги света от фонарей ребят. Себастьян сидел на плече у Артёма и время от времени тихо фыркал, когда видел что-то интересное: то летучую мышь, которая кружила, не приближаясь, то отблеск в луже, похожий на осколок луны.

Вдруг Лия остановилась и подняла руку:

— Слушайте.

Все замерли. И правда: среди обычного городского шума — шагов, далёких голосов, скрипа веток — прозвучал странный звук: будто кто-то тихо звякнул металлом. Не угрожающе, а как будто случайно.

— Это не опасность, — прошептала Лия. — Это... любопытство.

Они пошли на звук и вышли к старой беседке, почти скрытой плющом. Внутри, на скамейке, сидел маленький дух-хранитель парка — он был похож на клубок света с глазами-искрами и держал в руках крошечный колокольчик. Увидев ребят, он не испугался, а только чуть наклонил голову, будто оценивал, можно ли им доверять.

Мира присела на корточки, не делая резких движений, и тихо сказала:

— Мы не хотим ничего ломать. Мы просто гуляем и смотрим. Дух звякнул колокольчиком ещё раз, потом протянул его Мире. Та осторожно взяла, посмотрела на ребят и улыбнулась:

— Он хочет, чтобы мы его позвенели. Чтобы парк знал, что мы здесь не чужие.

Они позвенели по очереди, и после каждого звона парк будто становился чуть светлее, будто отвечал. Потом дух кивнул, будто сказал «спасибо», и исчез, оставив после себя лёгкий запах дождя и мяты.

Ребята стояли, улыбаясь, и понимали: это был их маленький, настоящий секрет. Не страшный, не опасный — а такой, который делает мир чуть добрее.

Дома Демьян ждал их у двери. Он не спрашивал сразу, что случилось, — он просто смотрел, как они входят, усталые, но светящиеся изнутри, как их фонарики. Потом они все вместе пили горячий чай с пряностями, который Арэль специально приготовила к празднику, и Артём рассказывал про духа, про колокольчик, про то, как парк будто ответил им. Демьян слушал, кивал, а когда Артём закончил, тихо сказал:

— Значит, ты не просто учился видеть опасность. Ты учился видеть и хорошее. Это даже важнее.

А ночью, когда все уже разошлись по комнатам, Артём сел на кровать, погладил Себастьяна и прошептал:

— Знаешь, сегодня я не боялся. Я просто шёл и смотрел. И мир мне отвечал.

Себастьян тихо чирикнул, будто согласился, и его фиолетовые полосы мягко вспыхнули, словно подтверждая: да, сегодня всё было правильно.

Дни шли, и в них всё чаще появлялись новые маленькие привычки. По утрам ребята встречались у школьных ворот и делились тем, что заметили по дороге: Тамир — как изменились тени у старого дома, Кеон — какой маршрут стал короче, потому что один переулочек почистили от иллюзий, Лия — что ветер сегодня пахнет иначе. А Артём всё чаще замечал детали, о которых раньше не думал: как по-разному звучит тишина в разных частях города, как свет ложится на стены, будто рисует невидимые карты. Однажды на уроке городской навигации учительница дала задание: найти в своём районе место, которое кажется безопасным, но на самом деле скрывает ловушку. Класс разделился на группы, и в команде Артёма оказались Мира, Лия и Герман. Они долго ходили по знакомым улицам, смотрели, прислушивались, прихихкивались — и вдруг заметили, что у одного переулочка тишина была «слишком ровной», будто её специально выстроили. Мира первая поняла:

— Это как тишина перед прыжком. Кто-то хочет, чтобы мы думали, что тут спокойно.

Они не стали заходить внутрь, а отметили место на карте и рассказали учительнице. Та похвалила их не за то, что они нашли ловушку, а за то, что не полезли проверять её храбростью.

— Храбрость, — сказала она, — это не когда бежишь прямо в тень. Храбрость — это когда видишь тень и знаешь, что делать.

Дома дни тоже становились особенными. Рэйан теперь всё чаще спрашивал Артёма не «что ты знаешь», а «что ты чувствуешь». Однажды они стояли на краю двора, и Рэйан тихо сказал:

— Скажи, что тебе говорит этот угол. Не глазами. Чувствами.

Артём помолчал, потом тихо ответил:

— Тут... будто кто-то смотрит. Но не зло. Просто проверяет.

Рэйан кивнул:

— Хорошо. Значит, ты учишься доверять себе. А это самое редкое умение. Демьян тоже замечал перемены. Как-то вечером, когда они сидели над учебником по классификации существ, Артём вдруг сам предложил: — Давай не по буквам, а по местам. Вот эти живут в переулках, эти — у воды, эти — на крышах. Так мне легче запомнить.

Демьян улыбнулся:

— Ты не просто учишься. Ты придумываешь свой способ. А это значит, что знания останутся с тобой навсегда.

А потом наступил день, когда дверь в стене парка наконец приоткрылась. Не сама по себе — её осторожно приоткрыла учительница, когда ребята привели её к этому месту. За дверью оказалась маленькая лестница, ведущая вниз, к подземному саду, где росли светящиеся цветы и тихо журчала вода. Там пахло землёй и спокойствием, и казалось, что время течёт чуть медленнее.

Учительница сказала:

— Сюда можно приходить, когда становится слишком шумно. Здесь мир говорит тише, но понятнее.

Ребята переглянулись, и в этом взгляде было столько гордости, будто им доверили самый большой секрет города.

Так проходили дни: в уроках, в прогулках, в разговорах, в маленьких открытиях. Артём всё ещё иногда ошибался, всё ещё пугался неожиданных звуков, но теперь он знал: рядом есть те, кто поможет, и есть то, чему он уже научился. Он становился не просто сильнее — он становился внимательнее, спокойнее, увереннее. И каждый вечер, рассказывая Демьяну про день, он чувствовал, как в груди становится теплее от мысли: его слушают, его понимают, ему верят.

С тех пор как учительница показала ребятам подземный сад, он стал их особенным местом. Не для шумных игр — для тихих разговоров, для того, чтобы посидеть, когда на улице слишком много теней, или когда хочется просто послушать, как вода шепчет о чём-то своём.

Сначала они ходили туда после уроков всей компанией: Мира забиралась на плоский камень у стены и объявляла себя «стражем сада», Лия собирала капли росы в крошечную склянку — говорила, что в них прячется запах утра, Кеон чертил на земле новые маршруты, будто сад был центром целой сети тайных троп. Тамир приносил с собой маленький компас и уверял, что под землёй стрелки ведут себя иначе, а Герман и Артём просто сидели рядом, слушали и чувствовали, что здесь мир становится чуть понятнее.

Себастьян в саду вёл себя необычно: не фыркал, не пытался поймать отблески света, а сворачивался клубочком и будто впитывал тишину. Спарки, наоборот, ходил по кругу, нюхал каждый камешек, будто хотел запомнить этот запах навсегда.

Однажды в саду случилось маленькое чудо. Артём пришёл чуть раньше остальных и сел у воды. Он достал книжку, которую ему дал

Демьян — старую, с потёртыми страницами, про разные виды городских духов. Читал медленно, по слогам, но уже без запинок, и вдруг заметил, что буквы будто сами складываются в ритм, похожий на журчание воды. Он поднял глаза — и увидел, как на стене, прямо над ним, проступили тонкие светящиеся линии. Те самые, что они видели на камнях у фонтана, только теперь они складывались не в узор, а в символы.

Артём не стал трогать их, не стал кричать — он просто сел и стал смотреть, запоминая каждую линию. Когда пришли ребята, он тихо позвал их, и все замерли, глядя на стену.

— Это язык, — прошептала Лия, почти не дыша. — Не наш, не человеческий. Но я чувствую, что он добрый.

Кеон тут же достал блокнот и начал аккуратно зарисовывать, стараясь не пропустить ни одной завитушки. Мира присела рядом с Артёмом и тихо сказала:

— Ты его увидел. Не потому что ты самый сильный. А потому что ты умеешь сидеть тихо и смотреть.

В тот вечер, вернувшись домой, Артём рассказал всё Демьяну. Демьян слушал, не перебивая, потом достал с полки ещё одну старую книгу и открыл её на странице с похожими символами.

— Похоже на древний городской шифр, — сказал он. — Его использовали хранители, чтобы отмечать безопасные места. Если ты видишь эти знаки — значит, тут можно дышать спокойно.

Артём улыбнулся, будто получил подтверждение тому, что всё делает правильно.

А потом наступил день, когда Себастьян впервые по-настоящему помог Артёму.

Это случилось по дороге из школы. Ребята шли привычной дорогой, болтали, спорили, кто первым добежит до угла, и вдруг Себастьян, который спокойно сидел на плече у Артёма, резко приподнялся и тихо зашипел — так, как шипят драконы, когда чувствуют что-то неправильное.

Артём сразу остановился. Остальные тоже замерли.

— Что? — прошептал Герман.

— Не знаю, — так же тихо ответил Артём. — Но он не ошибается. Они огляделись. Улица выглядела как обычно: фонари, тени, листья на тротуаре. Но вдруг Артём заметил: тень от фонарного столба лежала не туда. Не по направлению света. Она будто тянулась вперёд, хотя солнце уже садилось назад.

— Сюда нельзя, — тихо сказал Артём. — Тень врёт.

Ребята свернули в боковой переулок, тот самый, где стояла «живая» скамейка. И только они отошли на несколько шагов, как на главной улице раздался тихий, неприятный звук — будто кто-то провёл когтем по стеклу. Все вздрогнули, но никто не обернулся. Они просто шли, держась ближе друг к другу, пока не вышли на освещённую площадь, где было много сущностей и совсем не было странных теней.

Когда они наконец добрались до дома Демьяна, Рэян, который ждал их у ворот, сразу понял, что случилось что-то важное. Он не стал ругать, не стал читать нотации — он просто кивнул и сказал:

— Ты слушал не глаза. Ты слушал того, кто знает. Это самое правильное, что можно сделать.

Демьян, услышав рассказ, обнял Артёма крепко, но не надолго — ровно столько, чтобы мальчик почувствовал: его заметили, его поняли. — Ты растёшь, — тихо сказал он. — И ты учишься доверять не только правилам, но и себе.

Вскоре в доме Демьяна устроили маленький праздник — не большой, не шумный, а такой, чтобы хватило места всем ребятам, Спарки и даже Себастьяну, который гордо восседал на спинке стула, будто был почётным гостем. Арэль испекла пирог с ягодами, которые светились в темноте, и каждый кусочек отдавал лёгким морозным вкусом. На стенах развесили фонарики, те самые, что ребята делали к Осеннему празднику, и дом наполнился мягким светом и смехом.

Мира рассказывала истории, в которых всегда находилось место чуду, Лия тихо напевала что-то похожее на песню ветра, Кеон показывал, как складывать из бумаги маленьких драконов, Тамир учил всех определять время по теням, а Герман и Артём сидели рядом и понимали, что им не нужно ничего доказывать друг другу — они просто есть, и этого достаточно.

Даже Рэян, обычно такой сдержанный, позволил себе чуть улыбнуться, когда Спарки попытался украсть кусочек пирога, а потом так виновато посмотрел на всех, что даже строгий Рэян не смог удержаться от смеха. А ночью, когда ребята разошлись по домам, а дом затих, Демьян и Артём сели у окна и смотрели на город.

— Знаешь, — тихо сказал Демьян, — когда я брал тебя к себе, я думал, что буду тебя защищать. А теперь я вижу, что ты учишься защищать себя сам.

И это самое лучшее, что может случиться.

Артём прижался плечом к Демьяну и кивнул.

— Я всё ещё боюсь, — честно признался он. — Но теперь я знаю, что делать, если станет страшно.

Демьян положил руку ему на плечо, и они посидели так ещё немного, слушая, как дом дышит в темноте, а город шепчет свои тайны тем, кто умеет слушать.

В школе объявили конкурс: каждый класс должен был подготовить рассказ о духе-хранителе своего района — не просто легенду, а историю, в которой видно, как дух помогает городу жить. Учительница сказала, что жюри будет оценивать не красоту слов, а то, насколько рассказ «настоящий»: будто его шепнул сам город.

Артём долго не решался. Он смотрел на чистый лист и думал: «А вдруг я всё перепутаю? Вдруг скажу не так, как надо?» Но однажды вечером, когда Себастьян тихо дремал на полке, а Спарки сопел у его ног, Артём вдруг понял: ему не нужно придумывать. Ему нужно просто рассказать то, что он уже знает.

Он начал с парка. Описал, как там пахнет дождём даже в сухую погоду, как тени ложатся ровно только на знакомых дорожках, а в незнакомых местах будто собираются в кучки и шепчутся. Он рассказал про духа-хранителя с колокольчиком и про то, как парк будто ответил на звон. Потом добавил про подземный сад: про светящиеся цветы, про воду, которая шепчет, и про символы на стене, которые он научился замечать. И в конце написал самое важное: «Дух не делает город безопасным. Он показывает, где безопасно тем, кто умеет смотреть».

Когда он закончил, перечитал и почувствовал, что слова не кажутся чужими. Они были его.

На следующий день ребята собрались у школьных ворот раньше обычного. Артём молча протянул им листок. Они читали по очереди, передавая друг другу, и когда дочитали, Мира тихо сказала:

— Это правда. И звучит так, будто ты её не выдумал, а нашёл.

Лия улыбнулась:

— Знаешь, иногда самое сильное волшебство — это когда ты просто говоришь, что видишь.

В день выступления в актовом зале было шумно и тесно. Ребята из других классов читали свои истории громко, с жестами, будто хотели, чтобы их точно услышали. Когда подошла очередь Артёма, он встал, сжал в пальцах листок и вдруг понял, что не хочет кричать. Он хотел, чтобы его услышали те, кто умеет слушать.

— Я расскажу про наш парк, — тихо, но чётко начал он. — Он не самый большой и не самый красивый. Но он знает нас. Он показывает нам безопасные места, если мы не торопимся. Он звенит колокольчиком, если хочет сказать «я тут». И он оставляет знаки на стенах — не для всех, а для тех, кто смотрит внимательно.

И он рассказал всё: про тень, которая лжёт, про символы, про подземный сад, про то, как Себастьян чувствует опасность раньше всех. Он не поднимал голос, но в зале становилось тише с каждой фразой. Когда он закончил, несколько секунд стояла такая тишина, будто город сам задержал дыхание. А потом учительница мягко улыбнулась и сказала: — Спасибо, Артём. Ты рассказал не про чудо. Ты рассказал про доверие. А это самое редкое чудо из всех.

Ребята из класса захлопали, а друзья улыбались так, будто это была их общая победа.

После конкурса дни будто стали светлее. Даже тени казались не такими хитрыми, будто теперь город знал: Артём его видит, и не боится. В школе учительница предложила ребятам создать общую карту района — с отметками безопасных мест, ловушек и тех самых символов, которые Артём научился замечать.

Они делали её вместе. Кеон чертил улицы, Мира отмечала места, откуда лучше всего видно окрестности, Лия ставила метки там, где воздух начинал пахнуть иначе, Тамир указывал время суток, когда каждая улица становилась опасной или безопасной, а Герман и Артём записывали истории: где они заметили ложную тень, где Себастьян зашипел, где Спарки вдруг замер и уставился в одну точку.

Карта получалась не идеальной, не гладкой. На ней было много пометок, зачёркиваний, стрелок, которые вели вбок, и маленьких рисунков: дракон, собака, колокольчик. Но она была настоящей. И когда они повесили её в классе, учительница сказала:

— Вот так и рождается знание. Не из книг, а из шагов, из взглядов, из того, что вы замечаете каждый день.

А однажды ночью Себастьян разбудил Артёма. Не рыком, не криком — он просто сел на груди у мальчика, прижался тёплым боком и тихо чирикнул, так, как чирикают, когда хотят сказать: «Проснись. Тут что-то есть».

Артём сел, прислушался. Дом дышал привычно: скрипнула половица, где-то далеко проехала машина, Спарки во сне дёрнул лапой. Но в этом привычном шуме было что-то лишнее. Тихий, ровный звук, которого раньше не было. Будто кто-то очень осторожно водил пальцем по стеклу снаружи.

Себастьян сполз с кровати, подошёл к окну и тихо зашипел в щель между рамой и подоконником. Полоски на его челу вспыхнули тусклым, тревожным светом.

Артём не стал кричать. Он тихо вышел в коридор, стараясь не шуметь, и увидел, что дверь в гостиную приоткрыта, хотя он точно помнил, что закрывал её. В комнате у окна стояла тень — не обычная, а будто собранная из кусочков других теней. Она не двигалась, но от неё веяло тем самым «тяжёлым» воздухом, который Артём научился чувствовать. Не раздумывая, он сделал то, чему его учили: не побежал, не закричал, а отступил назад, туда, где было светлее, и тихо позвал:

— Демьян. Рэян. Тут... тут что-то не так.

Демьян появился мгновенно, будто уже стоял где-то рядом, готовый. Он посмотрел на тень, потом на Артёма, и в его глазах мелькнуло то самое уважение, которое мальчик так ценил.

— Ты не бросился вперёд, — тихо сказал он. — Ты позвал тех, кто сильнее.

Это тоже храбрость.

Рэян подошёл к тени, не сводя с неё взгляда, и произнёс несколько слов на старом языке — не громко, а так, будто шептал ветру. Тень дрогнула, рассыпалась на отдельные лоскутки темноты и исчезла, оставив после себя только лёгкий запах сырости и чужой дороги.

Когда всё кончилось, Демьян сел рядом с Артёмом, обнял его на секунду — крепко, но не надолго — и сказал:

— Ты всё сделал правильно. Ты заметил. Ты не поддался страху. Ты позвал на помощь. Это самое главное.

Артём кивнул. Ему хотелось сказать, что он всё равно испугался, но слова застряли в горле. Вместо этого он просто прижался к Демьяну, чувствуя, как уходит дрожь, и как дом снова становится самым безопасным местом на свете.

С тех пор Артём стал замечать, что и другие начинают прислушиваться к нему. Не потому что он знал больше всех, а потому что он умел видеть мелочи и не стеснялся о них говорить. На уроках ребята спрашивали его: «А ты как думаешь, тут безопасно?» И он отвечал не наугад, а вспоминая: как лежит тень, как пахнет воздух, как ведёт себя Себастьян, как замирает Спарки.

А дома всё шло своим чередом. Арэль по-прежнему пекла что-то вкусное, и запах выпечки смешивался с запахом старых книг и спокойствия. Демьян всё чаще задавал вопросы, а не давал ответы, будто хотел, чтобы Артём сам находил дорогу. Рэян учил его различать оттенки тишины. А

Себастьян и Спарки были рядом: один — чтобы чувствовать то, что скрыто, другой — чтобы прогонять страх простым, тёплым присутствием. Однажды вечером, когда все уже разошлись по комнатам, а дом затих, Артём сел на подоконник, погладил Себастьяна и прошептал:

— Мы с тобой хорошие напарники. Ты видишь то, что я не вижу. А я делаю так, чтобы это не причинило вреда никому.

Себастьян тихо чирикнул и вспыхнул фиолетовыми полосками — так, как вспыхивают, когда довольны.

Ребята решили вести «Дневник наблюдений» — не обычный, а такой, где важны не только факты, но и ощущения. Они завели толстую тетрадь в тёмно-зелёной обложке, и каждый по очереди вписывал туда то, что заметил. Кеон отмечал маршруты и время, когда улицы становились безопасными; Мира записывала, откуда лучше всего видно окрестности и где тени собираются в странные узоры; Лия вносила запахи и звуки — например: «На углу у булочной сегодня пахло не корицей, а мокрым камнем. Будто дождь собирался не с неба, а из-под земли». Тамир вписывал, как меняется тишина в разное время суток, а Герман добавлял, что чувствовал в тот момент: «Мне хотелось уйти, но не от страха, а потому что место будто шептало: „Не задерживайся“». А Артём писал про Себастьяна. Про то, как полоски на его чешуе вспыхивают тусклым светом, когда рядом что-то не так, и как он замирает, будто прислушивается к чему-то, чего люди не слышат. Однажды он записал: «Себастьян не шипел, но сел у двери и смотрел в одну точку. Я не видел ничего, но пошёл другим путём. И оказался прав: на старой дороге фонари погасли все сразу, будто их выключили».

Учительница, увидев дневник, не стала править слова или заставлять писать аккуратнее. Она просто провела пальцем по строчкам и тихо сказала:

— В этом дневнике живёт город. Не тот, который на карте, а тот, который вы чувствуете. Это самое ценное.

Однажды после уроков ребята шли привычной дорогой, но вдруг заметили у перекрёстка мальчика, которого раньше не видели. Он стоял, прижимая к себе рюкзак, и смотрел по сторонам так, будто пытался вспомнить, куда ему нужно идти. Его глаза были чуть расширены, а плечи напряжены — он явно боялся, но старался не показывать этого.

Мира первая подошла к нему, но не вплотную, а остановилась на расстоянии шага, чтобы не напугать.

— Ты заблудился? — спросила она спокойно, без спешки.

Мальчик кивнул.

— Я новенький. Мне сказали: «Иди по этой улице, сверни у фонаря», а фонарей тут много, и все одинаковые.

Артём вдруг понял, что знает это чувство: когда город кажется слишком большим и слишком чужим. Он подошёл чуть ближе, но тоже не вплотную, и сказал:

— Мы можем помочь. Но сначала скажи, куда тебе нужно?

Мальчик назвал адрес. Кеон тут же достал свою карту, быстро нашёл улицу и прикинул маршрут.

— Тут есть короткий путь, — сказал он, — но он через переулок, где тени любят прятаться. Лучше пойти по главной улице — дольше, но спокойнее.

Тамир добавил:

— И лучше идти, пока светло. Сейчас как раз самое хорошее время.

Лия тихо сказала мальчику:

— Если станет страшно, смотри не на тени, а на свет. На фонари, на окна, на витрины. Свет всегда настоящий.

Они пошли вместе. Артём шёл рядом с новеньким, не рассказывая ничего сложного, а просто показывая мелочи: вот тут фонарь чуть наклонён, значит, это тот самый, у которого надо сворачивать; вот тут на стене мелом нарисована птичка — её оставил кто-то из ребят, чтобы не перепутать поворот; вот тут пахнет выпечкой — значит, они идут правильно.

Когда они дошли до нужного дома, мальчик выдохнул, будто сбросил тяжёлый рюкзак, даже если тот и остался у него на плечах.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я думал, тут все такие... чужие. А вы просто помогли.

Мира улыбнулась:

— Тут все сначала чужие. А потом становятся своими. Если хочешь, завтра можем встретить тебя у школьных ворот.

Он кивнул, ещё немного помялся, будто хотел что-то добавить, но не решился, и наконец сказал:

— Меня зовут Элиас.

— А меня Артём, — ответил Артём. — И это все: Мира, Лия, Кеон, Тамир, Герман. Мы будем рядом, если снова станет непонятно.

И когда они вернулись к своим делам, Артём вдруг почувствовал, как в груди стало теплее: он не просто учился замечать опасности — он учился помогать тем, кто их ещё не видит.

В доме Демьяна устроили вечер историй. Не для того, чтобы хвастаться, а чтобы просто посидеть вместе, послушать друг друга и понять, что каждый видит город по-своему. Арэль испекла пирог с яблоками и корицей, и его запах смешивался с запахом старых книг и спокойствия. На столе стояли маленькие фонарики, которые ребята сделали к празднику Осенних Фонарей, и свет от них ложился на лица тёплыми пятнами.

Сначала рассказывали ребята. Мира — про то, как однажды она сидела на высокой скамейке и видела, как тени расступаются перед рассветом, будто дают дорогу свету. Лия — про запах дождя, который появляется даже в сухую погоду, если знать, где его искать. Кеон — про карту, которую он начал рисовать в голове, и про то, как улицы складываются в узоры, если смотреть на них сверху.

Потом настала очередь Германа. Он редко говорил о себе, но в тот вечер рассказал, как впервые понял, что город не враг: «Я шёл и думал, что за каждым углом прячется опасность. А потом увидел, как воробьи садятся на фонарный столб и не улетают, хотя могли бы. И я понял: если они тут сидят, значит, тут безопасно. Иногда самые маленькие существа знают больше нас».

Все слушали и кивали, будто узнавали что-то своё.

А потом случилось самое неожиданное: Рэян тоже рассказал историю. Не про правила и не про опасности, а про то, как он сам когда-то был новичком в этом городе.

— Мне казалось, что я должен всё знать и ничего не бояться, — тихо говорил он, глядя на огоньки фонариков. — Но однажды я так торопился доказать, что я сильный, что чуть не прошёл мимо самого важного знака. Меня остановил старый хранитель. Он сказал: «Сила не в том, чтобы не бояться. Сила в том, чтобы бояться и всё равно делать правильно». С тех пор я стараюсь не забывать эти слова.

В комнате стало тихо, но это была хорошая тишина — та, в которой слышно, как все дышат ровно и спокойно.

Демьян посмотрел на Артёма и чуть улыбнулся:

— Видишь, даже те, кто кажется самым строгим, когда-то были такими же, как ты. И тоже учились.

Артём кивнул. Ему хотелось сказать что-то важное, но слов не находилось. Вместо этого он просто посидел, слушая, как ребята тихо

переговариваются, как Спарки сопит у его ног, как Себастьян время от времени тихо чирикает, будто тоже хочет что-то добавить.

На следующий день в школе учительница предложила всем принести что-нибудь, что помогает им чувствовать себя увереннее: талисман, записку, вещь, которая напоминает о доме. Кто-то принёс камешек, кто-то — ленточку, кто-то — старую пуговицу. Артём долго думал, что взять, и в конце концов положил в карман маленький кусочек светящейся нити — ту самую, которой Мира вышила край его фонарика. «Это чтобы помнить, что меня видят и ждут», — подумал он.

Когда он пришёл в класс, Мира улыбнулась ему, будто поняла, что он чувствует. Лия тихо шепнула:

— Главное — не то, что ты носишь. Главное — то, что ты знаешь: ты не один. И Артём вдруг понял, что это правда. Он не один. Рядом были друзья, которые замечали то же, что и он. Был Демьян, который верил в него. Был Рэян, который учил его быть внимательным. Были Себастьян и Спарки, каждый по-своему помогавшие не бояться.

Дни шли, и каждый из них складывался из маленьких побед: вовремя замеченной тени, правильно выбранного пути, вовремя сказанных слов. Артём всё ещё иногда пугался, но теперь он знал, что делать. Он учился видеть город, слышать его шёпот и отвечать ему — не криком, а вниманием, не силой, а заботой о тех, кто рядом.

А вечером, когда дом затихал, он садился у окна, гладил Себастьяна и шептал:

— Сегодня мы сделали всё правильно. Мы помогли, мы заметили, мы не подвели.

Себастьян тихо чирикал, его полоски мягко вспыхивали, и в этом свете было столько спокойствия, что казалось: весь город на мгновение становится чуть добрее.

Элиас постепенно становился своим. Сначала он держался чуть в стороне, будто боялся что-то сделать не так, но ребята не торопили. Они просто показывали мелочи, из которых складывалась безопасность: где на тротуаре есть едва заметная трещинка, по которой можно идти, как по линии; где фонарь светит чуть ярче, потому что его почистили хранители; где лучше не срезать путь, даже если кажется, что так быстрее.

Однажды Мира сказала ему:

— Ты не обязан сразу всё видеть. Просто смотри на то, что тебе бросается в глаза. У каждого из нас свой способ замечать.

И оказалось, что у Элиаса такой способ есть. Он не чувствовал запахи, как Лия, и не читал тени, как Артём, но он умел слышать то, что другие пропускали. Тихий скрип, который появлялся, когда рядом что-то менялось; едва уловимый гул, будто город шептал предупреждение. Как-то раз они шли по переулку, который все считали спокойным, и вдруг Элиас остановился, приложил ладонь к стене и тихо сказал:

— Тут что-то... дрожит. Как будто воздух стал тяжелее.

Ребята замерли. Себастьян на плече у Артёма тихо зашипел, подтверждая: да, тут не всё в порядке. Тамир посмотрел на компас — стрелка дёргалась, будто не знала, куда ей смотреть. Лия вдохнула и нахмурилась:

— Пахнет пылью, хотя дождя не было.

Они не стали проверять, что прячется за поворотом. Просто свернули, пошли другой дорогой и потом рассказали учительнице. А учительница, выслушав, кивнула и сказала:

— Вот это и есть команда. Когда каждый замечает своё — и все друг другу верят.

А в подземном саду ребята однажды нашли нечто совершенно неожиданное. Они пришли туда после уроков, чтобы просто посидеть, послушать воду и записать в дневник, как меняются светящиеся цветы: одни закрывались к вечеру, другие, наоборот, раскрывались, будто ждали темноты.

Кеон, как всегда, чертил схему, отмечая, где какие растения растут. И вдруг заметил, что в самом дальнем углу, у каменной стены, земля чуть просела, будто там что-то было спрятано. Он осторожно отвлёк в сторону пучок травы — и под ним показалась маленькая медная табличка с выцветшими буквами.

Все столпились вокруг. Лия аккуратно стёрла пыль, Мира держала фонарик, а Артём старался дышать тише, будто боялся спугнуть находку. На табличке было написано: «Здесь город отдыхает. Не тревожь без нужды».

— Это старая метка хранителей, — тихо сказал Тамир. — Они ставили такие там, где город «засыпает», чтобы никто не будил его зря.

Кеон тут же зарисовал табличку в блокнот, а Лия прошептала:

— Значит, тут нельзя шуметь. Тут город слушает себя.

С тех пор они приходили в сад по очереди, не всей толпой, а по двое-трое, и сидели тихо, просто слушая, как шепчет вода и как город дышит в темноте. И каждый раз, уходя, оставляли после себя только следы на влажной земле — никаких сломанных веток, никаких сорванных цветов.

В школе устроили выставку дневников наблюдений. Каждый класс принёс свои записи, рисунки, схемы, даже маленькие предметы: камешки, кусочки ткани, сухие травинки, которые что-то значили. Дневники выставили в холле, и все могли их листать — но не трогать без разрешения.

Дневник ребят стоял в центре. На обложке Мира вышита узор из светящихся нитей, а внутри были страницы, исписанные разными почерками, с пометками на полях, с вклеенными листочками, с рисунками Себастьяна и Спарки.

Когда Артём увидел его среди других, ему вдруг стало немного страшно: а вдруг все подумают, что это глупо? Но потом он заметил, как другие ребята подходят, читают, показывают друг другу отдельные страницы и кивают, будто узнают знакомые места.

Учительница подошла к нему и тихо сказала:

— Знаешь, что самое ценное в этом дневнике? В нём нет страха. В нём есть внимание. А это сильнее любой магии.

А потом к дневнику подошёл директор школы — строгий мужчина с седыми висками, который редко улыбался. Он долго смотрел на страницы, потом поднял глаза на ребят и сказал:

— Вы не просто учитесь видеть опасности. Вы учитесь видеть город. И это значит, что вы учитесь быть его частью.

Ребята переглянулись и улыкнулись, будто услышали самую большую похвалу.

Дома дни шли своим чередом, но теперь в них было больше уверенности.

Демьян всё чаще говорил:

— Расскажи, что ты заметил сегодня. Не про плохое, а про то, что помогло тебе идти спокойно.

Артём рассказывал про фонарь, который горел ровно, про скамейку, на которой сидела кошка и не уходила, будто охраняла угол, про то, как Спарки вдруг радостно вилял хвостом, увидев кого-то знакомого, и этим прогонял любую тревогу.

Рэиан стал учить его различать не только опасности, но и «тихие места» — такие уголки города, где напряжение спадало, где тени ложились спокойно, а воздух становился легче.

— Сила, — говорил он, — не в том, чтобы всегда быть настороже. Сила в том, чтобы знать, где можно выдохнуть.

Однажды вечером, когда все собрались в гостиной, Арэль достала старую коробку и вынула оттуда несколько маленьких амулетов — не волшебных, а памятных: крошечные колокольчики, гладкие камешки, тонкие полоски ткани.

— Это вещи хранителей, — сказала она. — Не для защиты, а для памяти.

Чтобы помнить: ты не один, и кто-то уже ходил по этим улицам до тебя. Она дала один такой амулет Артёму — маленький медный колокольчик. Он повесил его на шнурок и носил под рубашкой. Не потому что верил, что он спасёт от беды, а потому что слышал в нём тихий отзвук того дня, когда дух в парке звякнул своим колокольчиком и будто сказал: «Я тут. Ты не чужой».

А потом случилось то, что окончательно показало Артёму: он действительно стал частью этого города и этой команды. В один из дней учительница попросила ребят помочь провести экскурсию для младших классов — показать безопасные маршруты, рассказать, как замечать тревожные знаки и что делать, если стало страшно.

Сначала Артём подумал: «А вдруг я что-то скажу не так?» Но Мира тихо сказала:

— Ты скажешь не как взрослый. Ты скажешь как тот, кто сам этому учился.

И именно это им нужно.

И он сказал. Он водил малышей по знакомым улицам, показывал, где тень ложится правильно, а где будто «спотыкается»; объяснял, что если стало страшно — можно остановиться, подышать и позвать кого-то, кто рядом; рассказывал про Себастьяна, который помогает видеть то, что скрыто.

Один мальчик, совсем маленький, поднял на него глаза и тихо спросил:

— А если я ничего не замечаю? Если я просто боюсь?

Артём присел на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне, и сказал: — Это нормально. Страх — это тоже сигнал. Он говорит: «Посмотри внимательнее». И если не можешь посмотреть сам — позови друга. Мы всегда будем рядом.

Мальчик кивнул, будто эти слова были именно тем, что ему хотелось услышать.

Вечером, когда дом затих, Артём сел у окна, погладил Себастьяна и прошептал:

— Мы растём. Не только в высоту. Мы учимся быть теми, к кому можно прийти, когда страшно.

Себастьян тихо чирикнул, его полоски мягко вспыхнули, и в этом свете было столько спокойствия, что казалось: весь город на мгновение становится чуть добрее.

Несколько лет пролетели так незаметно, что Артём и не понял, в какой момент перестал быть тем самым мальчиком, который боялся каждой тени, и стал тем, кто эти тени читает. Ему исполнилось двенадцать. Рюкзак стал тяжелее не от учебников, а от разных мелочей, которые казались важными: потрёпанный блокнот с картой города, кусочек светящейся нити, маленький медный колокольчик на шнурке. Себастьян по-прежнему сидел у него на плече, но теперь уже не как пушистый оберег, а как настоящий напарник — мудрый, ворчливый и бесконечно верный. Спарки, ставший солидным псом, важно шёл рядом, будто знал, что на нём лежит ответственность за хорошее настроение всей компании.

У Артёма было много друзей. Кеон теперь вёл целую картотеку маршрутов и гордо говорил, что однажды станет главным хранителем городских путей. Мира забиралась на все возможные возвышения и кричала оттуда: «Я вижу всё!» — и чаще всего действительно видела. Лия научилась различать десятки оттенков городского воздуха и могла по запаху сказать, какой дух прошёл по переулку пять минут назад. Тамир всё так же следил за временем и знал, когда город становится уязвимым, а когда — самым сильным. Элиас, который когда-то стоял растерянный у перекрёстка, теперь был тем, к кому все прислушивались: он слышал то, что оставалось за пределами обычного слуха, и его тихое «тут что-то не так» заставляло всех замирать и смотреть внимательнее.

Но ближе всех, роднее всех был Герман. Они не всегда шли по одному маршруту, не всегда замечали одни и те же детали, но им не нужно было ничего объяснять друг другу. Достаточно было взгляда, лёгкого кивка, и каждый понимал: «Сейчас держимся ближе», или «Тут можно выдохнуть», или «Давай расскажем остальным». Они делили пополам всё: страх и радость, находки и ошибки, даже самые глупые шутки, которые понимали только они двое.

Праздник устроили в доме Демьяна. Не какой-то особенный,

государственный, а свой, придуманный ими самими — День Безопасных Троп. Смысл его был в том, чтобы собраться всем вместе, вспомнить самые важные маршруты, самые смешные и самые страшные моменты, и просто порадоваться тому, что все здесь, все в порядке.

Арэль испекла огромный пирог, украсив его светящимися ягодами так, что он напоминал карту ночного города. На стенах висели старые фонари, те самые, что ребята делали к Осеннему празднику, и их мягкий свет ложился на лица тёплыми пятнами. В углу тихо мурлыкал Себастьян, а Спарки лежал у ног Артёма, делая вид, что он тут самый спокойный, хотя время от времени радостно вздрагивал, когда кто-то смеялся.

В какой-то момент, когда все сидели за большим столом, когда тарелки опустели, а смех стал чуть тише, Артём вдруг поднял голову, посмотрел на Демьяна и сказал, будто это было

самое обычное слово, но в нём вдруг оказалось столько смысла, что время будто чуть замедлилось:

— Спасибо, папа. За то, что ты всегда знаешь, где безопасно. За то, что научил меня не бояться, а смотреть.

Слово «папа» прозвучало негромко, но в комнате вдруг стало тихо. Демьян замер, будто не поверил своим ушам. Его пальцы, сжимавшие кружку с чаем, чуть дрогнули, а глаза на мгновение стали влажными, но он не отвёл взгляд. Он просто смотрел на Артёма, и в этом взгляде было столько тепла, столько гордости и столько любви, что мальчику даже не нужно было ничего больше говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.